

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ГРИГОРИЙ
РАСПУТИН

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

В. ТЕЛИЦЫН

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

УДК 929

ББК 84

Т31

Серия основана в 1998 году

Телицын В. Л.

Т31 Григорий Распутин. — М.: Олимп, «Издательство Астрель», «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 192 с. — (Великие пророки).

ISBN 5-7390-0909-X («Олимп»)

ISBN 5-271-00201-2 («Издательство Астрель»)

Григорий Распутин... Кто он? Дьявол во плоти или «пророк прозорливый» и магический целитель? Книга рассказывает о многих ранее не известных фактах жизни Распутина. С трудом овладевший азами грамоты крестьянин предсказал гибель царской семьи, крушение романовской династии, поражение России в первой мировой войне, судьбу многих государственных деятелей, например П. А. Столыпина и П. Н. Милюкова, свою смерть.

УДК 929

ББК 84

© «Олимп», 1999

© «Издательство Астрель», 1999

От автора

В Распутине было так много от Ветхозаветного пророка, что его можно было сравнить с одним из тех странных суровых провидцев, игравших такую большую роль при царях Израильских. Крестьянин, он тем не менее имел ясные, хорошо определенные суждения о многих предметах. Без сомнения, они проистекали более от глубокой интуиции и инстинкта, чем от обоснованного научного знания.

Жерард Шелли

В отечественной истории ни один человек не привлекал к себе такого острого, глубокого и жадного внимания, как Григорий Ефимович Распутин. Именно потому, что жизнь его была окружена тайной и даже имя его было одно время под запретом, он вызывал у современников и потомков обостренно-напряженное, почти болезненное любопытство.

С годами был создан миф о Григории Распутине. На страницы книг и столбцы газет — от самой малой провинциальной и до столичной — проникали главным образом лишь одни отрицательные мнения о Распутине и негативные оценки, как правило, без приведения каких-либо конкретных фактов. В бешеном и все нарастающем потоке тонули незамеченными попытки сказать правду о нем. Радикальная печать сделала все, чтобы возбудить и поддержать в отношении к Распутину самую лютую ненависть в обществе.

Распутин — уникальный миф, созданный яркими противниками последних Романовых.

Распутин лично не только не играл сколько-нибудь самостоятельной политической роли, но нет данных, свидетельств о том, что он пытался играть ее. «Думаем, что мы не будем далеки от истины, — писала в 1914 году газета «Московские новости», — если скажем, что Распутин — газетная легенда и Распутин — настоящий человек из плоти и крови — мало что имеют общего между собой. Распутина создала наша печать, его репутацию раздули и взмыли до того, что издали она могла казаться чем-то необычайным. Распутин стал каким-то гигантским призраком, набрасывающим на все свою тень».

В настоящее время облик Распутина все более скрывается в тумане прошедшего времени. Но именно сегодня пришло время вновь вернуться к этой неординарной личности, поставить все точки над «і». И это не случайно: как грибы после дождя

в России появились многочисленные и многоликие ясновидцы, пророки, «старцы», «святые» и прочие. На их фоне фигура и феномен Распутина приобретают иные подходы, иное значение, иную оценку, чем существовавшие за прошедшие семьдесят — восемьдесят лет. И сбросить многопудовые цепи лжи можно только внимательным, объективным изучением подлинных фактов и документов, тщательным анализом и сопоставлением различных источников. Только так можно размотать тот трагический и, более того, детективный клубок, которым были жизнь и смерть Григория Распутина, понять, в чем своеобразие его духовного мира, ответить на вопрос, хотя бы для самого себя: кто ты — Григорий Распутин?

Феномен Григория Распутина слишком необычен и слишком непонятен, чтобы в поисках объяснения его в конце концов прийти к самому простому объяснению. Феномен Распутина, наконец, *чрезвычайно объемён*, для того чтобы попытаться объяснить его на двух-трех сотнях страниц книги.

Именно поэтому автор не ставил своей задачей подробное освещение основных вех жизни и деятельности Григория Распутина. (Об этом написано и сказано уже немало.) Зачастую события, представленные в нашем повествовании, хронологически не следуют одно за другим.

Задача автора книги состояла в другом — осветить наименее изученные стороны жизни старца, сопоставить его удивительные пророчества с действительностью, содержание его проповедей с виде-

нием окружающего мира, сложившимся в умах людей его времени и его поколения, осветить его способности врачевателя, «гипнотизера», телепата, психоаналитика и оккультиста.

На первый взгляд подобная постановка вопроса может вызвать одно лишь нескрываемое удивление и усмешку, но это только на первый взгляд. Стоит обратиться к воспоминаниям современников и очевидцев (как сторонников и последователей Распутина, так и его непримиримых врагов), как большинство привычных, чисто догматических схем просто рассыпаются и среди «обломков» появляется возможность обрести истинный смысл бытия.

Заратустра от сохи: первые шаги

Русский человек неугомнен, он так часто охвачен влечением странствий, что это, похоже, у него в крови.

Иногда он внезапно поднимается и, как бы в ответ на мистический импульс, уходит странствовать на многие дни, или месяцы, или годы.

Е. Дж. Диллон

Григорий Ефимович Новых (настоящая фамилия Распутина) родился 10 января 1869 года¹ в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии. Село Покровское привольно раскинулось на левом берегу таежной реки Туры, притока красавца Тобола. Пейзажи Западной Сиби-

¹ Если число и месяц рождения Григория Распутина не вызывает никаких споров (10 января Русская православная церковь празднует день памяти преподобных Григория Паламы и Григория Нисского, а по сложившейся веками традиции крестьянских детей, как правило, называли именами святых, чья память приходилась на день рождения младенца), то год рождения и до сих пор остается предметом дискуссий. Называются и 1862, и 1864, и даже 1872 год. И в этих противоречиях весь Григорий Распутин. Он сознательно утаивал год своего рождения, будучи подверженным страху перед одним мистическим предсказанием. О последнем речь пойдет ниже.

ри «ровны, бескрайни и унылы, реки вяло текут между плоских берегов в сторону севера, бесконечно тянется болотистая тайга. Несмотря на болота, климат — жаркий летом и холодный зимой — очень здоров».

Фамилия «Распутин» встречается в Западной Сибири довольно часто и обыкновенно имеет происхождение от слова «распутье», что, по сути, означает «разъездная дорога, развилина, развилы пути, место, где сходятся или расходятся дороги, перекресток». Люди, жившие в подобных местностях, нередко получали прозвище Распутьины, впоследствии трансформировавшееся в фамилию Распутины.

Отец Григория — Ефим Яковлевич (по другим данным — Андреевич), «работящий и юркий старикашка», дожил до конца 1915 года: по рассказам односельчан, «пил сильно водку», «но ее же и монаси приемлют», был, однако, мужик умный и справный: имел восьмикомнатную избу, двенадцать коров, восемь лошадей и занимался ямщицеством. В общем, не бедствовал.

Да и само село Покровское считалось в уезде и по губернии — относительно соседских деревень — богатым селом, так как сибиряки не знали скученности и бедности Европейской России, не знали крепостного права и помещика и отличались чувством собственного достоинства и независимостью.

За несколько часов до смерти, чувствуя, что час

его близок, Ефим попросил кликнуть сына. Григорий, благо находился в Покровском, прибыл незамедлительно. Бережно поглаживая холодевшую отцовскую руку и со страданием наблюдая за мучками умирающего, он, страшно волнуясь, произнес: «Ничего, отец, ничего... Скоро, отец, и я там буду... Встретимся вскоре...» (Григорий умрет через год.)

О матери Распутина сведений сохранилось мало, она умерла, когда Григорию не исполнилось и восемнадцати лет. Мать Григорий очень любил. После ее смерти Распутин рассказывал, что она часто является ему во сне и зовет к себе, предвещая, что умрет он, не дожив до ее возраста (умерла она, едва перевалив пятидесятилетний рубеж).

Как человек достаточно суеверный, Григорий пытался скрыть свой истинный возраст, а отсюда произошла и путаница с годом рождения. И все же умер Распутин сорока семи лет от роду.

Единственный помощник отца (братья — старший и младший — умерли в детстве при весьма загадочных обстоятельствах), Григорий рано стал работать, сначала помогал пасти скот, ездил с соседскими мальчишками в ночное, а с отцом — в извоз¹, затем участвовал в земледельческих работах: пахал, сеял, бороновал, помогал убирать урожай, косил, ну и конечно, ловил рыбу в Туре и

¹ Извоз — важный источник заработка — перевозки людей и грузов по сибирскому тракту, которым многие Покровские крестьяне занимались сызмальства.

окрестных озерах. В Покровском школы не было, и Гриша вплоть до начала странничества, как и многие его односельчане, был неграмотен.

Иногда бесконечными зимними вечерами отец при свете лучины читал вслух Евангелие, и величайшая драма многовековой человеческой истории разворачивалась перед крестьянским мальчиком: вера, любовь, измена, лицемерие, несправедливость, властолюбие и бремя власти, страдание, жестокость, грех и искупление, поэзия и правда — кто сам слышал или читал Евангелие в детстве, может представить его силу для души, склонной к принятию и порождению чуда.

Детство Григория, как может показаться на первый взгляд, едва ли отличалось от жизни обычного деревенского мальчишки. Но по рассказам Распутина своим дочерям, он уже в детстве обладал ясновидением: всегда знал, если кто-то из его товарищей что-то украл и куда спрятал, когда в деревне пропала лошадь, он указал на укравшего мужика. Об этом случае осталось много свидетельств, что позволяет восстановить картину до мельчайших подробностей.

Темной и ненастной сентябрьской ночью было совершено преступление, которое взбудоражило всех жителей Покровского. У одного из селян — Ивана Федорова — украли лошадь. Для несчастного это стало настоящей трагедией, так как лошадь была чуть ли не единственной ценностью многодетной семьи (две другие лошади, а также

корова пали еще летом от неизвестной крестьянам болезни).

Крестьяне Покровского, молодежь и старики, с самого утра искали вора и украденную лошадь, но безрезультатно. Усталые, промокшие под дождем до нитки и недовольные, они, собравшись у Ефима Распутина, мужика умного и неторопливого, рассказывали теперь о своих бесплодных поисках. Все были чрезвычайно возмущены этим преступлением. В глазах сибирских ямщиков похищение лошади выглядело самым подлым злодейством, намного худшим, чем даже убийство. Эти люди нередко жили в деревнях, расположенных недалеко от мест, где находились в ссылке преступники, и даже в последнем злодее они видели «бедного и слабого брата», но для конокрада у них не было ни понимания, ни сострадания, ни прощения. Поэтому крестьяне, собравшиеся на «темной стороне» кухни Ефима Распутина, негодовали еще и потому, что бедному ямщику необходимо было расплатиться еще со старыми долгами, и последняя его лошадь была единственной надеждой что-либо заработать. (О несчастьях незадачливого Федорова в Покровском знали все.)

Жена Ефима, поглядывая на гостей, просила их успокоиться, особенно тогда, когда казалось, что страсти перельются через край: болел сын Гриша. На дворе уже было совсем темно, и только смолистая лучина отбрасывала слабый свет на сидящих у стола покровских крестьян.

Неожиданно больной ребенок поднялся с poste-

ли и подошел к ним. Он был одет в длинную белую рубашку до пола, лицо его казалось неестественно бледным, широко открытые голубые глаза странно блестели. Пока гости приходили в себя от удивления, Гриша уже стоял между ними, обводя их странным, пугающим взглядом. Неожиданно он подскочил к здоровенному мужику, обхватил его за ноги и, вскарабкавшись ему на плечи, уселся на крепкой шее, а затем пронзительно крикнул: «Ха, ха! Петр Александрович, а ведь это ты украл лошадь! Ты... Ты вор!».

Выпалив это, мальчуган залился чистым детским смехом, сотрясаясь от возбуждения, ударяя своими маленькими ножками мужика в грудь и постоянно выкрикивая, что это именно он, Петр Александрович, обокрал соседа. Ребенок так пищал, а глазки так блестели, что присутствующим стало как-то не по себе. Они не знали, что и подумать, ведь Петр Александрович пользовался среди своих земляков большим уважением и был богат. Именно он особенно возмущался, когда стало известно о краже, и настойчиво требовал изловить злодея.

Казалось, Григорию никто не поверил. Да и сами хозяева пытались успокоить селян: что с больного ребенка возьмешь, жар еще не спал, вот и бредит.

Но когда поздним вечером мужики расходились по домам, между ними вновь пробежала искра сомнений: гости Ефима никак не могли забыть слова больного мальчугана. Некоторые из них ночью ук-

радкой проникли во двор Петра Александровича. В потемках они встретили здесь других мужиков, которым также не спалось в эту ночь после услышанного в доме Ефима Распутина. И те и другие никак не могли забыть подозрения, высказанные мальчишкой в горячке, и потому явились тайком, на животе проползая под изгородью.

Вдруг они увидели Петра Александровича, когда тот осторожно, стараясь держаться поближе к стене, чтобы его никто не заметил, выходил из своей избы, поглядывая вокруг. Убедившись, что рядом никого нет, он направился к загородке, находившейся в самом конце двора. Через несколько мгновений удивленные мужики увидели, как он вывел оттуда украденную лошадь и исчез с ней в кромешной темноте.

Рано утром мужики один за другим стучали в дверь Ефима Распутина и, едва переступив порог, наперебой рассказывали, что маленький Гриша в горячке сказал правду и что Петр Александрович действительно украл лошадь. Перебивая друг друга, они поведали слегка опешившим хозяевам о ночной вылазке, о том, как следили за злодеем, как схватили его и избили до потери сознания. А теперь они свято верят, что сам Бог говорил устами больного мальчика.

Не понимая, как могло произойти такое «чудо», мужики как-то странно смотрели на ребенка.

Стоит добавить, что сам Григорий Распутин очень любил лошадей, говорил, что знает их язык, и они охотно ему подчинялись!

С этого времени и пошло: Григорий мог указать, где лежит давно утерянная вещь (особенно преуспел он в поисках конской упряжи), предсказать рождение мальчика или девочки, определить, когда пойдет дождь, будет ли урожай, стоит ли продавать на рынке хлеб или придержать его до лучших времен.

Девятнадцати лет от роду Григорий Распутин женился на Прасковье Федоровне Дубровиной, светловолосой и черноглазой девушке из соседнего села, которую он встретил на празднике в соседнем с Покровским селении, и ввел ее в дом своего отца. Она была старше мужа на четыре года, но брак их, несмотря на полную приключений жизнь Григория, оказался счастливым — во всей многочисленной антираспутинской литературе нет ни одной жалобы жены на мужа, напротив, она всегда защищала его, он же постоянно заботился о ней и о детях — двух дочерях и сыне¹.

Как до женитьбы, так и после Григорий занимался обычной крестьянской работой в хозяйстве отца. «Много в обозах ходил, много ямщикил и рыбу ловил и пашню пахал, действительно это все

¹ Матрена (родилась в 1897 году), Варвара (родилась в 1900 году) и Дмитрий (родился в 1894 году). Судьба их сложилась непросто. Матрене удалось после революции бежать на Запад, где она, дожив до преклонных лет, написала достаточно объективные и очень информационные воспоминания об отце. Варвара пропала без вести в 1917 году, а Дмитрий погиб в заключении в 1930 году. И дети Распутина — особенно Матрена и Дмитрий — обладали прорицательским даром. Сын его, например, предсказал летом 1914 года «тягость, грозившую России».

хорошо для крестьянина», — писал он в своем «Житии опытного странника»¹ много лет спустя.

Добавим: лечил односельчан заговорами, «изгонял беса», предсказывал проливные дожди, таежные пожары, неурожаи и болезни, смерти и рождения. Односельчане порой обращались к нему с самыми неожиданными просьбами:

— Скажи, Гриша, отдавать мне Марфу, дочку мою, замуж за Петра Степановича или за Кузьму Ивановича?

— А сам за кого хочешь?

— Да не знаю... И тот и другой — хозяева справные... Вот ты подскажи, прогадаю или нет...

Григорий рубил с ходу:

— За Кузьму.

— Вот и я думаю, что за Кузьму. — Мужик поблагодарил и ушел к себе.

А Григорий, забывший о разговоре буквально через полчаса, был — через несколько месяцев — неприятно удивлен: Петра Степановича преследовали неудачи (то стог сгорит, то волки телка загрызут), а Кузьма Иванович и его молодая жена не знали горя: и урожай на славу, и конягу новую прикупили, и мальчика голосистого на свет произвели.

Нечего и говорить, что Григорий всегда был желанным гостем на крестьянских свадьбах. На одну из них он принес плетеный стул, купленный

¹ Работа до сих пор не опубликована.

им накануне в Тюмени (возил туда на продажу свежую рыбу).

— Вот, — слегка приподняв стул, обратился к молодоженам Григорий, — вам мой подарок.

— Благодарствуем.

— Но подарок непростой. Ты, Иван, должен на ём каждый день часов по пять сидеть. И народятся у вас пять сынов и пять девок.

Гости и муж с женой громко рассмеялись, приняв слова Распутина за шутку. Напрасно! Именно пять сыновей и пять дочерей родилось в этой крестьянской семье.

История, правда, умалчивает одно: сколько часов в день восседал на распутинском подарке Иван — пять или более...¹

Однако, видимо, мирские страсти, пороки и забавы не обошли стороной и Григория. По словам односельчан (к которым, правда, надо относиться очень осторожно, так как все они появились на свет уже после смерти Распутина и в условиях раздувания в обществе антираспутинских настроений), натура у Григория была буйно-разгульная, наряду с богоугодными делами он гонял лошадей в пьяном виде, любил подраться, сквернословил — женитьба его не остепенила.

«Вытул», а то и «Гришка-вор» звали его за

¹ А плетеный стул «дожил» до наших дней. И сейчас он занимает центральное место в экспозиции мемориального музея Григория Ефимовича Распутина в его родном селе Покровском. И каждый второй посетитель стремится хотя бы секунду посидеть на этом чудотворном стуле.

глаза. «Сено украсть, чужие дрова увезти было его дело. Шибко дебоширил и кутил... Сколько раз бивали его: выталкивали в шею, как надоедливого пьянчугу, ругавшегося отборными словами. Поедет, бывало, Григорий за хлебом либо за сеном в Тюмень, воротится домой — ни денег, ни товару: все прокутил».

Думается, что свидетельства о кражах его и буйствах хотя и очень преувеличены, но все же верны. Русская деревня не отличалась почтением к тому, что «плохо лежит», и жила, как правило, по пословице: «не за то отец бил, что украл, а за то, что попался».

Но внутренние, скрытые силы все же перевесили греховность. Переходя от крестьянского труда к крестьянскому разгулу, прожил Григорий в родном Покровском до двадцати восьми лет, пока «внутренний голос» не призвал его к другой жизни: «...в сердце помышлял, как бы чего найти, как люди спасаются».

И нашел — в странничестве, разнося свои пророчества «в ширь и глубь земли».

Скорее всего, странничество для Распутина — не самоцель и тем более не средство ухода от жизни, а внесение в нее духовного начала, придание ей высшего смысла через подвижничество. Григорий осуждал странников, для которых богомолье стало своего рода профессией, которые избегали физического и умственного труда. Он этого категорически не принимал.

«Странничество, — писал он в конце

жизни, — нужно только по времени — месяцами... Я много обошел странноприимен — тут я нашел странников, которые не только годы, а целые века все ходят, ходят, и до того они, бедняжки, доходили, что враг в них посеял ересь — самое главное — осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, но по стопам самого Христа. Мы — странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простачком. Если это все сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь — источник живой воды. А в настоящее время сохранить этот источник трудненько. Нужда все-таки. Бог не старее и не моложе, только время другое. Страннику нужно причащаться, тем более во всяком монастыре, потому что у него больше скорби, всякие нужды. Святые тайны обрадуют странника, как май месяц свою землю».

По-видимому, первым монастырем, куда совершил свое богомолье Григорий Распутин, был Абакский мужской монастырь, находившийся в красивейшем месте на берегу Иртыша, в двадцати пяти верстах от губернского центра Тобольска. В древности здесь стояла крепость татарского хана Кучума, разбитого отрядом лихого гуляки Ермака Тимофеевича. Еще при строительстве монастыря

находили здесь наконечники стрел, кривые сабли и тяжелые свинцовые пули.

Историю этого монастыря Григорий Ефимович впоследствии часто рассказывал и в Петербурге и в Москве. А история коротка: в селении Абалак жила благочестивая старица Мария, которой явилась в видении Богоматерь. По этому случаю в 1637 году протоиерей тобольского Софийского собора написал икону, признанную чудотворной и чтимую окрестными жителями. К этой иконе совершались массовые паломничества, для богомольцев была устроена бесплатная гостиница.

«Окружающая монастырь природа, вызывает чувство восторга и восхищения. Когда стоишь возле высоких стен монастыря и смотришь в сторону Иртыша, видишь неоглядные просторы, беспечную гладь реки, заливные луга и далекие леса с церковью на горизонте. Наверное, подобное чувство испытывал и Григорий Распутин, когда был здесь» — так описывал эти места уже наш современник.

Уже во время первого посещения Абалакского мужского монастыря Распутин, обращаясь к одному из монахов, изрек: «Быть здесь русскому императору в дни его горя и печали».

В 1917 году здесь побывала на последнем своем богомолье семья русского императора Николая Александровича. Когда их привезли на пароходе в Тобольск, оказалось, что помещение для их заточения еще не готово. Тогда местные власти (и сопровождающий царскую семью Василий Панкра-

тов¹) разрешили им совершить паломничество в Абалак. Для царской семьи это было настоящим счастьем, так как они знали о монастыре по рассказам Распутина, который бывал здесь многократно и откуда он начал свой страннический путь...

В 1892 году Григорий отправился в уездный городок Верхотурье (Пермская губерния), в Николаевский мужской монастырь, основанный еще в конце XVI века, где хранились мощи святого Симеона Верхотурского, поклониться которым приезжали богомольцы со всей России.

В 1913 году в Верхотурье был освящен новый огромный храм (Крестовоздвиженский собор), возведенный в русско-византийском духе и вмещавший в себя до 14 тысяч молящихся. В 1914 году ожидался приезд царской семьи, причем наследник должен был остаться здесь на некоторое время, чтобы поправить подорванное гемофилией здоровье. Для этого Распутин на свои средства и на средства, пожертвованные ему на эти цели, возводит красивый дом, напоминающий древнерусские терема.

Но началась первая мировая война, все дела были отложены на неопределенный срок, а затем

¹ Панкратов Василий Семенович (1864 — 1925) — участник революционного движения, пятнадцать лет провел в заключении (в Шлиссельбургской крепости). 21 августа 1917 года был назначен Временным правительством комиссаром по охране бывшего императора Николая II и его семейства. В январе 1918 года сложил свои полномочия.

революционная смута, залившая кровавыми потоками всю страну. Настоятель монастыря Ксенофонт и братья были расстреляны по стандартному обвинению: «за контрреволюционную деятельность». В самом начале двадцатых годов большевики надругались над мощами святого Симеона Верхотурского. Тогда же в монастыре была создана воспитательная колония для несовершеннолетних — маленький остров бескрайнего архипелага ГУЛАГ...

А маленький «теремок» дожил и до наших дней, он как будто до сих пор ждет именитых гостей...

По дороге в Верхотурье Распутин встретил студента духовной академии монаха- послушника Малюту Соборовского. Между духовным лицом и молодым крестьянином начался разговор о вере и церкви, в ходе которого Малюта с удивлением понял, что этот простой мужик отлично разбирается в сложнейших религиозных вопросах. Соборовскому же Григорий посоветовал остаться в Верхотурье, ибо только в монастыре он спасет свою жизнь.

А молодой теолог постарался убедить крестьянина, что большой грех тратить на разгульную жизнь такие способности и наклонности. Слова монаха глубоко запали в душу Распутина. Подсознательные чувства и мысли о Боге, вере, которые когда-то горячо волновали маленького Гришу, вновь вспыхнули в нем.

Малюта Соборовский, пропустив мимо ушей

слова Григория, через пару лет «сорвался»: ушел из монастыря, предался «блуду мирскому» и, по косвенным данным, погиб от удара ножа где-то на Сухаревке, в самом страшном московском районе.

Домой Распутин вернулся месяца через три совсем другим человеком: бросил пить, курить, есть мясо, дебоширить, стал сторониться людей, много молиться, учился читать по-церковнославянски. Его часто видели склонившимся над Евангелием, черный и потертый на краях том которого он пристраивал на подоконнике и внимательно изучал — страницу за страницей, абзац за абзацем, строку за строкой, или молчаливо расхаживающим по окрестным полям и о чем-то размышляющим.

По воспоминаниям Матрены Распутиной, старшей дочери Григория, — воспоминаниям более поэтичным и основанным на его собственном рассказе — ему было в поле видение Казанской Божьей Матери.

Распутин рассказывал, как однажды он пахал недалеко от дома и, заканчивая борозду, хотел повернуть лошадь, но вдруг неожиданно услышал за спиной мелодичное и все нарастающее пение. Обернувшись, он от удивления выпустил из рук плуг, потому что перед собой увидел «прекраснейшую невесту — Богоматерь, покачивающуюся на золотистых солнечных лучах. В воздухе гремело торжественное пение тысячи ангельских голосов, к которому присоединилась Святая Дева».

Это видение длилось всего несколько мгновений и потом неожиданно пропало. Потрясенный до глу-

бины души, взволнованный, неподвижно стоял Григорий на пустынном поле, у него тряслись руки, и он больше не мог работать.

Находясь под впечатлением увиденного, Григорий прямо на недопаханном поле поставил деревянный крест. О видении он рассказал только своему наставнику и ближайшему другу — старцу Макарию, решив сохранить все в тайне от своих односельчан. Лишь в конце жизни Распутин поведал о чуде своей дочери.

«Место это счастливо, — любил повторять Григорий, — всяк, кто сюда ни приедет, возрадуется. Желание его исполнится».

Одно время — уже после смерти Распутина — его земельный надел превратился в место паломничества: к кресту приходили помолиться женщины, готовящиеся стать матерями, девушки, ждущие своих «принцев», старики, болеющие душой за своих детей и внуков. Желания и просьбы, обращенные к Богу, у многих из них исполнялись.

После первых паломничеств и видения в душе Григория, как он сам отмечал, «лопнула струна». Перелом в Распутине был несомненен. Встретивший его дорогой из Верхотурья односельчанин Подшивалов вспоминал, что «возвращался он тогда домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками».

Другой односельчанин, Распопов, вторил: «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико

осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом».

Такое же впечатление Распутин произвел несколько позже и на других его современников: «он (Распутин. — В. Т.) раньше священнослужителя является в храм Божий, встает на клирос и молится. Быстро-быстро и истово крестится и резко взмахивает головой, бьет лбом в землю, лицо его и руки при этом искривляются, зубы оскаливаются, как будто он дразнит кого-то невидимого и хочет укусить, жестикулирует руками и вертит головой во все стороны, оглядываясь при поклонах на молящихся, и вращает глазами».

Со времени первых странствий по Тобольской и Пермской губерниям у Григория Распутина навсегда остался какой-то внутренний надрыв, движения стали порывистыми, нервное возбуждение чередовалось с глубокой депрессией, речи были отрывисты и бессвязны, порой с заиканием.

Он «с трудом подыскивает слова, лицо его при этом передергивается, глаза блуждают и как» бы стараются уловить в воздухе ту фразу, которая выразила бы его мысль, — писал очевидец. — Ни одной фразы он никогда не произносил ясной и понятной. Всегда отсутствовали либо подлежащее, либо сказуемое, либо и то и другое. Поэтому точно передать его речь абсолютно невозможно, а записанная дословно она не может быть понята.

Что бы то ни было последней причиной (или причинами) для Григория начать новую жизнь, почва для этого готовилась постепенно: с юности

задумывался он над вопросами «вечными», над вопросом смысла жизни, не умея достаточно точно сформулировать и понять, что мучает его. «Пахал усердно, — писал он пятнадцать лет спустя, — но мало спал, а все ж таки в сердце помышлял, как бы чего найти, как люди спасаются».

Распутин относил себя к разряду тех людей, которых в России издавна называли «старцами», «странниками». Это чисто российское явление, и источник его — в трагической истории русского народа.

Голод, холод, мор, жестокость чиновника царского — извечные спутники русского мужика. Откуда, от кого ждать утешения? Только от тех, на кого даже всеильная власть, не признавая собственных законов, не решалась поднять руку — от людей «не от мира сего», от странников, юродивых и ясновидящих. В народном сознании — это Божьи люди.

В страданиях, в тяжких муках выходившая из средневековья страна, не ведавшая, что ждет ее впереди, суеверно смотрела на этих удивительных людей — странников, «калик перехожих», не страшившихся ничего и никого, осмелившихся громко говорить правду. Частенько странников называли старцами, хотя по тем понятиям и тридцатилетний человек казался уже глубоким стариком.

Русская глубинная жизнь с течением времени менялась в лучшую сторону, но эти странники, старцы дошли, добрались по глухим и пыльным российским дорогам до начала XX века. К этому

времени за ними уже тянулась осмысленная историческая традиция, над ними уже витал нимб древней святости. Пожалуй, больше нигде, кроме как в России, старина так прочно не противостояла новизне. И это было не только в народных «низах», но и в какой-то мере в «верхах» общества тоже.

К концу XIX — началу XX века тяга к старине в некоторых придворных кругах даже, пожалуй, усилилась. Причин этому было немало... В аристократических сферах росла тревога перед неизвестным будущим, порождавшая тоску по ушедшей в небытие «русской самобытности», тягу к историческим «отцовским» и «дедовским» истокам, традициям дедов и прадедов. Казалось, там — соки, питавшие и еще способные питать державную мощь России.

В этом явлении несомненно было что-то духовно-надрывное, что-то патологическое, но и что-то совестливое, задушевное...

«Для смиренной души русского простолюдина, — писал Ф. М. Достоевский, — измученной трудом и горем, а главное — всегдашнею несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню, или святого, пасть перед ним и помолиться ему: если у нас грех, неправда и искушение, то все равно, есть на земле там-то, где-то, святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а,

стало быть, когда-нибудь и к нам перейдут и воцариться по всей земле, как обещано...»

«Посетив впервые Николаевский мужской монастырь и вернувшись в село, Распутин пробыл там недолго, через месяц отправился в новое странствие. И путь его снова лежал в сторону Верхотурья. В 12 верстах от уездного центра, в так называемых Пермских лесах, жил схимник, отец Макарий, у которого Григорий провел большую часть своего нового — более чем трехмесячного — паломничества и которого всю жизнь почитал своим единственным наставником.

Скит Макария находился в самой глубине леса, и путь к нему был не близок. В убогой избе могли поместиться всего несколько человек. Там провел старец почти всю свою сознательную жизнь, отрекшись от всего земного. Тяжелые вериги опутывали его немощное, высохшее тело. Но слабосильного старца эти цепи не тяготили. В его глазах светилась радость, на бледных впалых щеках играла улыбка, и в голосе, хотя он уже был слаб и тих, как легкое дуновение ветерка, чувствовалось много теплоты и внутренней силы.

Войдя в келью старца первый раз, Григорий пал на землю, целуя иссохшие руки святого Макария, закованные в железо. Потом он начал рассказывать ему о том, что его сюда привело, стараясь ничего не приукрашивать и не замалчивать. Он исповедовался во всей своей грешной жизни, в злых мыслях, низменных страстях, которые преследовали его постоянно даже во время покаяний в монас-

тыре, говорил о своих слабостях и сомнениях, которые точили его душу, о внутреннем голосе, наказывающем посвятить себя служению Господу, и о том, что он тоскует по своей семье, по рано умершей матери и старику отцу. Подняв глаза, он увидел на лице Макария кроткую улыбку, полную понимания, и одновременно руки старца опустились на его голову.

— Возрадуйся, сын мой, — произнес тихим голосом Макарий, — ведь среди многих тысяч Господь выбрал тебя! Ты совершишь великие дела. Оставь жену свою и детей, дом свой и отца, оставь коней своих и иди в свет, странствуй! Ты услышишь голос земли и поймешь ее слова и только потом вернешься к людям и будешь нести им слова нашей святой земли и православной веры!

Затворившись по совету старца в лесной избушке, молодой послушник изнурял свое тело постом и долгими молитвами, рассчитывая таким образом закалить неокрепший дух. Макарий обучал Распутина грамоте, помогая понять Священное писание, и уводил в другой, духовный мир, так как был убежден, что Григорий полностью доверяет своему наставнику. В душевном порыве Распутин рассказал Макарию и о своем видении Богородицы.

— Бог избрал тебя для великих дел, — повторил свои слова Макарий и, осенив Григория крестным знаменем, отправил его с паломничеством в Святую землю.

Перед расставанием молодой странник поведал,

что виделась ему судьба схимника: что жить Макарию до глубокой старости, что чтить его будут лишь при жизни, а после смерти никто не бросит и горсти земли на его бранные останки.

Макарий лишь смиренно улыбнулся: на все воля Божья. Но Распутин оказался прав: когда старец умер, имя его было забыто.

Побывав еще у двух северных схимников — Ильи Валаамского и Андриана Кыртымского, — Распутин со своим земляком и другом Михаилом Печеркиным отправился в Афон, а оттуда в Иерусалим.

Перед дорогой Григорий обмолвился:

— Тебе, Михаил, не видать больше родной земли.

— Почему? — Удивленный Печеркин поднял брови.

Распутин не нашел что ответить.

Большую часть пути они прошли пешком, немало претерпев тягот. Но страдания, духовные и телесные, окупилась сторицей, когда они своими глазами увидели и Гефсиманский сад, и Масличную гору (Елеон), и Гроб Господень, и Вифлеем.

Печеркин остался (!) в Иерусалиме, а Распутин вернулся в Россию и всю ее исходил за десятилетие. Был в Киеве, Троице-Сергиеве, на Соловках, в Валааме, Сарове, Почаеве, в Оптиной пустыни, в Нилове, Святых Горах, то есть во всех местах, сколько-нибудь знаменитых своей святостью. «Много путешествовал и вешал (иными словами, взвешивал, сравнивал. — В. Т.), то есть проверял

все жизни, — писал Распутин, — паломничеством мне пришлось переносить нередко всякие беды и напасти, так приходилось, что убийства предпринимались против меня... и не один раз нападали волки, они разбегались, и не один раз нападали хищники, хотели похитить и обобрать, я им сказал, что не мое, а все Божие, вы возьмите у меня — я вам помощник, с радостью отдаю. Им что-то особенно скажет в сердцах ихних, они подумают и скажут: откуда ты и что такое с тобой? Я сей человек, посланный брат вам и преданный Богу. Теперь это сладко описать, а на деле-то пришлось пережить».

Одновременно развивались его мистические дарования. Странствуя по городам и весям, он проносил евангельские проповеди, рассказывал притчи. Мало-помалу он вновь вернулся к пророчествам, к заклинанию бесов, к колдовству; пронеслись слухи, что он «совершал чудеса». Он то излечивал больного, то указывал на вора, то предсказывал пожар или потоп. Престиж его святости возрастал с каждым днем. На улицах, когда он проходил, падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа. Ему говорили:

— Христос наш, Спаситель наш, молись за нас, грешных. Бог услышит тебя.

Он отвечал:

— Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого благословляю вас, дети мои. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему умерщвляйте плоть вашу.

Важной частью своих духовных взглядов в тот период Григорий Распутин определял стремление жить по совести, как велят Священное писание и жития святых.

«Нужно себя везде и всюду проверять и исследовать; каждый свой поступок соразмерять с совестью; как ни мудри, а совесть не перемудришь». «Совесть с молоточком: и постукивает и подслушивает» — эти мысли Григория Ефимовича записала (несколько позже) его дочь Матрена, подытожив цитирование еще одним высказыванием отца: «Совесть — волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет».

Проповеди его, конечно же подверженные определенной литературной обработке, поражают стройностью и глубиной изложения: «Чтобы достигнуть спасения, нужно только унижение и любовь — в том и радость заключается. Всегда нужно себя в одежде унижать и считать себя низким, но не на словах, а духом действительно. Бриллиант — тоже Божие создание и золото — украшение Царицы Небесной — бисер чтимый, но только нужно суметь его сохранить. Мы одеваемся в жемчуг — делаемся выше городов, поднимаем дух, и рождается порок гордости и непокорности ко всему... Не нужно добиваться почета и учения, а следить и искать Господа, и все ученые послушают глагол твоих или изречения твоего».

Ему завидовали... Распутин рассказывал, как много ему приходилось бывать у архиереев, кото-

рые хотели его испытать в вере и посрамить простого малограмотного крестьянина: «Придешь с сокрушенной душой и смиренным сердцем — их учение остается ничтожным, и слушают простые слова твои, потому что ты придешь не с простым духом, а от милости Божией. Ты одно изречешь слово, а они нарисуют тебе целую картину. Они хотя и хотят испытать и ищут что-нибудь, но ты как не с простыми словами, то есть в страхе, — вот тут-то у них замирают уста и они противоречить не могут».

Однако из своих странствий Григорий Распутин вынес отрицательное впечатление о некоторых сторонах служения Богу, например о монастырской жизни, найдя в ней много лицемерия, смутило его, в частности, сожитительство монахов с женщинами.

Вернувшись в затерявшуюся в Пермских лесах избушку, он поделился своими мыслями и сомнениями со старцем Макарием, и тот якобы сказал: «Не удалось спасти душу в монастыре — спасай в миру!»

Но границы сельского мира были уже тесны для Григория. Начинается его вхождение в иные круги и путь к всероссийской известности. Бог явно отличал его своей благодатью.

Знойным летом Григорий пошел из Покровского в Киев, чьи старые монастыри и знаменитые пещеры хранят мощи святых, почитаемых столетиями. От затерянного в сибирских лесах родного села до древнерусской столицы свыше 3 тысяч верст. Основной путь Григорий шел пешком. Вста-

вая рано на рассвете, выходил натошак. Шел от села к селу, от монастыря к монастырю, питался тем, что подавали крестьяне (за предсказанный дождь или за пророческие слова о рождении долгожданного сына) или что в пути зарабатывал поденной работой. Ночевал, где придется, куда положат: в избе и в сарае, а бывало и в чистом поле на кочке: «Березонька под боком и зорьку не проспий».

Киев встретил Распутина не очень приветливо: шел мелкий дождь, все вокруг казалось серым, тусклым и тоскливым. Но стоило Григорию переступить порог Печерского монастыря, как в стороне остались и тяготы, и душевное беспокойство, все «пало ниц» пред неземной красотой и нерушимой вечностью.

На обратном пути Распутин остановился в Казани. Остановка была случайной, но именно она явилась еще одной переломной вехой в жизни Григория. Здесь он не только проявил свой пророческий дар, но и смог исцелить больных, от лечения которых отказывались дипломированные врачи.

Сохранились воспоминания нескольких свидетелей об излечении Распутиным казанской дворянки Ольги Лахтиной, сорокапятилетней знатной дамы. В течение пяти лет она была прикована к постели вследствие тяжелого приступа неврастении — расстройства нервов, приведшего к нервному истощению. Доктора ничем не могли ей помочь, хотя она дважды ездила за границу — в Германию и Швейцарию — «на воды». Несколько сеансов

врачевания и чтения молитв, данных Григорием Распутиным, поставили больную на ноги. Лахтина отмечала, что ее привлекали в Распутине его благочестие и «строго православное толкование Евангелия». «Жить будешь, — сказал на прощание Григорий, — будешь. Но душа твоя слаба, бес тебя замучает».

Лахтина доживет до глубокой старости, станет одной из самых фанатичных поклонниц Распутина и окончит дни свои в психиатрической больнице.

И еще одно казанское свидетельство: группа студентов Казанской духовной академии посетила в Седмиозерском ските старца Гавриила (Зырянова), который, по обычаю, приглашал чайку попить в четыре часа утра. Там же присутствовали и молодой тогда владыко Тихон и Григорий Распутин.

«В то время он считался «all right»¹ и был в почете, посещал старца и, очевидно, был на большом счету у него, — вспоминал один из участников утренних бдений. — Старец Гавриил позже рассказывал владыке Тихону, что когда Распутин говорил ему, что он собирается в Санкт-Петербург, то старец про себя подумал: «...пропадешь ты в Петербурге, испортишься ты в Петербурге», на что Распутин, словно прочитав его мысли, вслух сказал: «А Бог? А Бог?»

Уберег ли его Бог — это вопрос... Но старцу Гавриилу Григорий Ефимович советовал остерегаться приглашать в гости одного молодого мона-

¹ В порядке (англ.).

ха — отца Филиппа. Как оказалось впоследствии, молодой человек страдал манией преследования и в один прекрасный день бросился на гостей старца с ножом...

Лето в петербургских пригородах в том 1904 году выдалось, как никогда, жаркое, на крестьянских огородах и делянках мещан-дачников начисто выгорели огурцы и появились неведомые дотоле, черные, со сморщенными телами, покрытыми редкими волосами, тарантулы.

Несмотря на жару, огородную сушь, воздух оставался сырым и тяжело давил на людей, вызывая кашель. На юге, где-нибудь в Крыму, жара переносилась достаточно легко. В Петербурге — совсем по-другому. Казалось, воздух кипел, бурлил, ошпаривал кожу, как крутой кипяток, перетягивая чем-то тугим горло, не давая свободно дышать.

В один из таких жарких дней в петербургских пригородах появился незнакомец. Он был одет в старые, кое-где уже подранные и неумело заштопанные штаны, в выгоревшую ситцевую рубаху с косым воротником, через плечо у него была перекинута жидкая котомка, в противовес сидору, больно бившему путника по костлявой спине (в сидоре таился его «верный пес» — потертый «кирпич» Евангелия), спереди пристроились связанные за уши поношенные, со стоптанными каблуками и многочисленными заплатами на союзках сапоги.

Шел этот незнакомец босиком. Чтобы не сбивать ноги, он старался ступать только по раскаленным на солнце шпалам.

Путник зорко оглядывал обочины, поворачивал голову назад, опасаясь, что его может настигнуть поезд, часто останавливался, чтобы отдохнуть и послушать пение птиц, иногда ставил босую ногу на рельсы, замирал на несколько мгновений — слушал дорогу, пытаясь понять, идет по ней скорый или нет. Если чувствовал, что поезд близок, сходил на обочину, на глинистую, пахнущую мазутом тропку, пропускал шумящий состав и вновь забирался на железнодорожный путь.

Вдруг, как из-под земли, на пути странника вырос железнодорожный обходчик — здоровенный ражий детина, в скрипучих сапогах, за голенищами которых были заткнуты два сигнальных флажка — желтый и красный, с серебряной боцманской дудкой за поясом, с противной ухмылкой на пухлых и лоснящихся, будто он вдоволь поел сала, губах.

— Ты знаешь, что по железнодорожным путям ходить запрещено, а? — строго спросил обходчик у босоногого путника.

— Нет, — без особой робости ответил тот, пожав плечами.

— Напрасно, напрасно... Чтоб впредь знал это, возьму-ка я да и отправлю тебя лет этак на десять на Сахалин, тележку с рудой катать, уголек рубить да песни каторжные горланить местным бабам на радость...

— За что? — Удивлению незнакомца не было предела.

— Было бы за что, вообще пристрелил бы,

прямо тут же на рельсах, а так — Сахалин — и вся недолга!

— За что? снова повторил свой вопрос бо-соногий путник.

Но обходчик его не слышал, а упрямо гнул свое:

— Десять лет отбарабанишь — по путям ходить больше не будешь. Понял? Так-то! А ты вообще кто такой?

— Божий человек.

— Это я вижу — Божий... Дурак, значит, раз сам за себя не отвечаешь. Блаженный... Не хочешь отвечать или не можешь? Что, язык проглотил? Чего молчишь? Отвечать, когда спрашиваю!

Путник молчал. Не драться же ему с ражим обходчиком. Во-первых, тот гораздо здоровее, а во-вторых — железнодорожник при исполнении. Раз при исполнении — значит, власть. А против власти идти — это все равно что плевать против ветра, сам себе навредишь.

Путник приподнял одно плечо, сморщил свое темное, до костей продубленное солнцем лицо.

— Все понятно, — заключил обходчик, — дурак, он и есть дурак. Что с него взять...

Не обременяя себя дальнейшим разговором с путником, он, с интересом поглядывая на незнакомца, неожиданно с размаху — обидно и больно — припечатал его сзади своим мощным сапогом.

Путник охнул, присел и загромыхал под откос, поднимая пыль всей своей костлявой фигурой, теряя заношенные сапоги вместе с тощим сидором.

— И моли Бога, что я тебя на Сахалин не отправил! — повел волосатым пальцем железнодорожный страж.

Путник поднялся, стер с разбитой о камни скулы кровь, сплюнул себе под босые ноги и произнес без особой обиды в голосе:

— Эх ты... Не знаешь еще, что жить тебе осталось десять дней.

— Пошел вон! — еще раз громыхнул басом обходчик. — Тоже мне: пророк нашелся.

...Ровно через десять дней обходчика, неосторожно сунувшегося в утреннем тумане на железнодорожные пути, чтобы понять, идет поезд или нет, сшиб и проволоч почти три версты по полотну курьерский состав, идущий из Москвы. Изуродовал он обходчика до неузнаваемости — у того оказались отрезанными обе руки и нога, тело превращено в месиво, череп раскрыт до мозга, лица не стало — оно было стесано до костей.

А путник — Григорий Распутин — двинулся дальше. Путь его лежал в столицу.

Вышагивая по почерневшим от времени шпалам, Распутин вспоминал о своих новых знакомых, оказавших ему радушный прием.

Казанские церковные власти, включая отца Антония (Гурийского), ректора духовной академии в Казани, и игумена Хрисанфа (Щетковского), отнесли к Григорию как к благочестивому и одаренному мирянину. По их рекомендации Григорий, прибывший в Санкт-Петербург в конце 1903 года, был тепло принят епископом Сергием (Страгород-

ским), ректором Санкт-Петербургской духовной академии, много позднее (в 1942 году) ставшим Патриархом Московским и Всея Руси.

Но слухи о Распутине предшествовали его появлению в Петербурге. «Есть еще Божьи люди на свете, — говорил архимандрит Феофан (Быстров), инспектор (а затем — ректор) столичной духовной академии в частной беседе со своим студентом Сергеем Труфановым (в будущем — отец Илиодор). — Такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе Покровском, три благочестивых «брата»: Илья, Николай и Григорий. Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печалились о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю... Григорий встал... помолился и твердо произнес: «Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя!» Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая... Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года».

Отцу Феофану в кругах духовенства и светских салонах верили. Сам человек глубоко религиозного настроения, широко известный своей аскетической жизнью и строгостью к себе и окружающим его людям, архимандрит Феофан принадлежал к тому разряду русского монашества, около которого складывается обширный круг людей, искавших в духовных беседах с ним разрешения многих вопросов их внутренней жизни.

О чем беседовал Григорий Распутин с отцом Сергием и отцом Феофаном при первой встрече — доподлинно неизвестно. Сохранились свидетельства о том, «как старец сидел между пятью епископами, все образованные и культурные люди. Они задавали ему вопросы по Библии и хотели знать его интерпретацию глубоких мистических тем. Слова этого совершенно неграмотного человека интересовали их...». А затем «старец» Григорий поведал своим собеседникам, что один из них страдает от грыжи, у второго в скором времени умрет мать, причем по его же, сыновней, оплошности, у третьего родится сын — естественно, внебрачный.

В первый приезд Григорий пробыл в Санкт-Петербурге только пять месяцев, затем вернулся домой, в родное Покровское — скучал очень по жене и детям. Почти через год последовала новая встреча со столицей: новые люди, новые знакомства, новые проповеди и пророчества... Не старцы и странники искали себе «паству». Пожалуй, было наоборот: ищущие тянулись к ним и находили их...

Князь Н. Д. Живанов, товарищ обер-прокурора Священного Синода, оставил воспоминания об одной духовной проповеди, свидетелем которой он сам был. Распутин говорил, что в начале своих духовных поисков он обратился за наставлениями к житиям святых, но повествование не часто начиналось с момента, когда эти мужи и жены уже достигли святости.

Переведя дыхание, говорящий продолжал: «Я себе подумал — здесь, верно, поры, когда уже они

поделались святыми... Ты мне покажи не то, какую жизнь проводили подвижники, сделавшись святыми, а то, как они достигли святости... Тогда и меня чему-нибудь научишь. Ведь между ними были великие грешники, разбойники и злодеи, а просто, глянь, опередили собою и праведников... Как же они определили, как действовали, с какого места поворотили к Богу, как достигли разрушения и, купаясь в греховной грязи, жестокие, озлобленные, вдруг вспомнили о Боге да пошли к Нему?! Вот что ты мне покажи...»

Эти откровения повторялись повсюду и трактовались с суеверным ужасом. А о пророчествах и удивительных явлениях, связанных с его именем, ходили слухи. «Расскажу случай с одной моей знакомой, — вспоминала одна из последовательниц Распутина, — который объяснит, как он смотрел на жизнь, а также его некоторую прозорливость или чуткость — пусть каждый назовет как хочет. Одна молоденькая дама однажды при мне заехала к Григорию Ефимовичу на свидание со своим другом. Григорий Ефимович, посмотрев на нее пристально, стал рассказывать, как на одной станции монах угощал его чаем, спрятав бутылку вина под столом, и, называя его «святым», задавал вопросы.

«Я «святой», — закричал Григорий Ефимович, хлопнув кулаком по столу, — и ты просишь меня тебе помочь, а зачем же ты прячешь бутылку вина под столом?»

Дама побледнела и растерянно стала прощаться.

Помню, как-то в церкви подошел к нему поч-

товый чиновник и попросил помолиться о больном. «Ты меня не проси, — ответил Григорий, — а молись святой Ксении». Чиновник в испуге и удивлении вскрикнул: «Как вы могли знать, что жену мою зовут Ксенией?»

Подобных случаев я могла бы рассказать сотни, но их, пожалуй, так или иначе можно объяснить, но гораздо удивительнее то, что все, что он говорил о будущем, сбывалось...»

В своем дневнике одна из поклонниц Распутина — Елена Францевна Джанумова — записала другой удивительный случай. Она пригласила к себе Распутина и своих старых друзей. Среди последних находился человек, который когда-то был ее женихом. «Об этом никто не знал... Он был давно женат и счастлив. Я тоже была замужем. После обеда Распутин вдруг сказал мне: «А ведь вы друг друга когда-то очень любили, но ничего не вышло из вашей любви. Оно и лучше, вы не подходящие, а эта жена ему больше пара». Я была поражена его изумительной проницательностью. Не было никаких признаков, по которым он мог узнать о том, что так давно было, и о чем мы сами совсем забыли».

Буквально полгода спустя после посещения Санкт-Петербурга за Григорием Ефимовичем прочно закрепились определения «Божьего человека» и «старца», «отца» и «святого странника». Одно то, что в характеристиках Распутина соединились эти «эпитеты», говорило о многом.

Божий человек... Наряду с так называемыми официальными старцами, несущими возложенное на них послушание в монастырях, в России встречается еще один тип «святых» людей, неизвестный Западной Европе. Это так называемые Божьи люди...

В противоположность старцам, Божьи люди редко остаются в монастырях, а преимущественно странствуют, переходя с места на место, вещая волю Божию окружающим их людям и призывая к покаянию. Старцы всегда монахи, тогда как между Божьими людьми встречаются и миряне; но как те, так и другие ведут строгую аскетическую жизнь и пользуются равным нравственным авторитетом.

Старец — это берущий вашу душу, ваше страдание в свою душу и в свое страдание. Избрав старца, «вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ему в полное послушание, с полным самоотречением...». А Божий человек сократит свой путь к Господу, облегчит общение с ним...

Напомним, что в характеристике Распутина соединились оба эти эпитета.

Почти сразу после приезда в столицу Распутин познакомился с известным всему Петербургу прорицателем и проповедником, личностью сильной и неординарной — отцом Иоанном Кронштадтским. По одной версии, отец Иоанн заметил Распутина в толпе в соборе, призвал к себе, благословил и сам попросил благословения, так сказать, определил себе преемника. По другой — а с Григорием Рас-

путины и мы всегда имеем две версии — отец Иоанн, спросив его фамилию, изрек:

— Смотри, по фамилии твоей и будет тебе.

Распутин всю жизнь почитал отца Иоанна, и потому версия с благословением кажется более вероятной.

Удивительная история: один «святой» перстом своим указал на другого, своего духовного преемника.

К этой истории мы еще вернемся.

Дар, открывающий двери

Живу и гибну; то горю в огне,
То в проруби тону; и сплошь страданье
И сплошь восторг — мое существованье;
Мягка и жестока судьба ко мне.

Луиза Лабэ

Петербург ждал новых имен, громких сенсаций и бурных скандалов. И он дождался — на пепельно-сером, дурно пахнущем питерском небосклоне всходила звезда Григория Распутина. Число поклонников и последователей пророка стремительно росло, впрочем, как и количество противников, скрытых и явных.

Григорий знакомится с представителями российской знати, перед ним открываются двери аристократических салонов, поэтических кафе, профессорских кружков. Его приглашают с просьбой помолиться и дать духовный совет, предсказать, кому и сколько отсчитано на этом свете лет. Как правило, он не отказывал никому. В то трудное, смутное

время, когда то тут, то там взрывались бомбы и раздавались выстрелы, российскому обывателю, как никогда, требовалась духовная поддержка и некая мистическая аура, отделяющая человека от жестокостей и ужасов окружающего мира.

Люди приходили к Распутину и для разъяснения различных религиозных вопросов, объяснения житейских проблем. Как рассказывают очевидцы, после ранней обедни в каком-нибудь храме, причастившись святых тайн, богомольцы собирались вокруг него, слушая его наставления и внимая незатейливым пророчествам. Для многих представителей высшего света «после вечных интриг и зла придворной обстановки» беседы с ним служили естественным утешением. А простолюдинам он раздавал небольшие подарки. Его страстные поклонники утверждали, что все эти предметы, полученные из рук Распутина, имеют тайный (пророческий) смысл: «Какой каждый прихожанин получит подарок, такой будет и его дальнейшая жизнь».

По свидетельствам очевидцев тех событий, толпа гудела вокруг старца в стремлении заполучить хоть что-нибудь из рук святого человека. Того, кому он подал носовой платок, ждали слезы и горе, тот, кому подал кусочек сахара, пусть приготовится к сладкой и сытной жизни. Девушки на выданье рвали из рук Григория дешевые колечки, которые он им протягивал, и обмирали, если взамен колец получали от него маленькие иконки, намекавшие на уход в монастырь. Многие рыдали, к нему тянулись руки, прося благословения. Полиции при-

ходилось силой разгонять народ. Но народ не так прост: если кто получал подарок нехорошего значения, то закапывал его в землю, а потом шел служить молебен, чтобы предсказанное не сбылось.

Распутин легко заговаривал с незнакомыми — на улице и в поезде, в гостинице и на проселочной дороге, в центре Москвы и Петербурга или на окраине захолустного сибирского села. Подобная общительность, правда, часто вызывала глухое раздражение у тех, кого он считал «самыми родными». Сам же он — за исключением редких вспышек гнева — был приветлив и ровен со всеми: не осталось ни одного упоминания о его высокомерии или намеренной грубости.

Недоброежелателей Григория возмущало то, что «грязный мужик держит себя с ними как равный». По словам ссыльного революционера, отбывавшего срок наказания в Покровском, Распутин встретил его «любезно и радушно... Без тени какой-либо неловкости и застенчивости... прямо и просто обратился ко мне: «Эх, миленький, миленький, чую я, долго еще тебе страдать-то здесь придется». Ссыльного освободили лишь после падения романовской монархии.

А как отмечал последний министр внутренних дел, Распутин подкупил его лишь тем, что всего-навсего «зло не говорил про людей».

Даже его будущий непримиримый враг Гермоген без всякой лести говорил о Распутине: «Это раб Божий. Вы согрешите, если даже мысленно его осудите». (Гермогену Распутин предрек смерть от

рук его же прихожан. Так и произошло: в кровавые годы русской смуты с ним зверски расправились, без суда и следствия, те, кто еще вчера внимательно прислушивался к его словам.)

При первом знакомстве Распутин долго жал руку, пристально вглядываясь в глаза собеседника, заставляя его опустить взор. Этот нехитрый прием, позволяющий запомнить Распутина даже после совершенно случайной встречи, как правило, срабатывал. Почти всегда знакомство с ним вносило подъем, интерес, а в скорбную душу — бодрость, надежду, утешение и даже радость. Как умный и чуткий человек, Григорий Распутин умел понять, «докопавшись» до основ, чужое страдание и иногда несколькими вопросами, вовремя сказанными словами, каким-нибудь еле заметным сравнением ослабить или даже совсем «изъять его из души».

«Мы потеряли двух детей почти одновременно, — рассказывал свою непростую и трагическую историю известному политическому деятелю В. В. Шульгину один из его знакомых. — Моя жена была в ужасном состоянии. Ее отчаяние граничило с сумасшествием... Доктора ничего не могли сделать... Кто-то мне посоветовал позвать Распутина... И можете себе представить: он поговорил с ней полчаса, и она совершенно успокоилась... Пусть говорят все, что угодно, — все это, может быть, правда, но и это правда, что он спас мою жену».

Приобретая влияние, Распутин почти никогда не отказывал в помощи. Он не требовал, но при-

нимал предлагаемые ему деньги и подарки — с безразличием большие суммы от богача и с признательностью — малые от бедняка. Но «деньги он принимал лишь в тех случаях, если он мог ими кому-нибудь помочь», — писал один из его друзей. Он же рассказывал, что, если к Распутину приходил в дом с просьбой богач, тот говорил: «В доме находится богатый человек, который хочет распределить свои деньги среди бедняков».

«Распутин не был ни сребролюбцем, ни стяжателем, — замечал один из его врагов. — Он мог получить сколько угодно средств... он получал много, но зато он щедрой рукой и раздавал получаемое».

Он много жертвовал: на строительство церквей, на лечение больного ребенка, на «пенсию» забытому старику. Это не значит, конечно, что он не заботился о своей семье и о себе самом: для своей семьи он построил в Покровском двухэтажный дом, дочерей стремился определить в лучшие столичные гимназии и для себя подыскал квартиру почти в самом центре Петербурга.

Так выкристаллизовывался образ Григория Распутина, человека, способного не только разглядеть в тумане настоящего времени четкие контуры будущих исторических процессов, но и помочь ближнему своему — и словом, и делом, разделить с ближним его горе, что было гораздо более понятным и приятным, чем рассуждения о высших материях.

Но открытость Распутина, с которой он обра-

шался к незнакомым людям, как к друзьям и близким, его готовность выслушать человека в беде и помочь ему имели оборотную сторону: он не умел хранить ни своих, ни чужих тайн, считая, видимо, что раз все люди родные и равны, то ничего сокровенного нет.

«Он всем рассказывал самые сокровенные тайны, которые ему сообщают в минуту искренности, — отметила в своем дневнике одна из его многочисленных поклонниц. — Особенно было больно за «высших»: не нам это нужно знать».

Человеческая натура, однако, противоречива — был Григорий Ефимович зачастую способен и на умолчание, даже тогда, когда от него ждали откровений.

Но распутинская прозорливость все же перевешивала человеческие слабости.

После смерти Льва Толстого бывший друг Григория Распутина, а ныне враг отец Илиодор отправил депешу Николаю II, в которой настойчиво требовал предать умершего писателя анафеме за христианские заблуждения. Вместо его величества ему ответил Григорий Ефимович:

«Ты не суди его строго. Толстой запутался. Да и церковь его не шибко любила. В этом-то все и дело. А ты, повторяю, не суди и судим не будешь. Подумай хорошенько. Мы с тобой умрем, о нас забудут, а, глядишь, и проклянут. А его, его помнить будут всегда. Аминь.

Григорій».

Вместо того чтобы последовать мудрому (как потом оказалось) совету, Илиодор решил устроить своеобразное «аутодафе»¹: установил в одной из церквей портрет Толстого, на который заставлял своих прихожан плевать. И они, проходя мимо изображения, плевали до тех пор, пока все лицо мятежного графа на портрете не исчезло под пеной слюны.

Узнав о таком кошунстве, Распутин был очень опечален. Несколько дней он ходил сам не свой. Толстой привлекал его. Не как писатель, книг его Григорий Ефимович не читал, а как духовный провидец. Ему казалось, что между ним и автором «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения» существовала необъяснимая духовная связь, ведь ни тот ни другой никогда не испытывали необходимости прибегать к посредничеству священника для бесед с Господом.

Немного поразмыслив, Распутин отстучал Илиодору еще одну, на этот раз очень лаконичную телеграмму:

«Будь ты проклят. Смерть твоя да будет ужасной. Все забудут тебя».

...Спустя сорок два года Илиодор умер в далеком Нью-Йорке, в доме для нищих на 10-й авеню Ист-Сайда, в страшных мучениях, всеми покинутый и забытый.

¹ От португальского «auto da fe» — оглашение и приведение в исполнение варварских приговоров инквизиции.

Мог Распутин проявлять и злопамятность — не сравнимую, впрочем, со злопамятностью его врагов.

«Он против меня злобится теперь, — говорил Григорий в 1914 году о своем прежнем друге и покровителе епископе Феофане, — но я на него не сержусь, ибо он большой молитвенник. Его молитва была бы сильнее, если бы он на меня не злобился...» И добавлял: «Он обо мне еще скажет добрые слова...»

Но если враги и недоброжелатели Распутина делали ему шаг навстречу, то и он шел им навстречу, русскую поговорку о худом мире, который лучше доброй войны, Григорий Ефимович повторял достаточно часто и охотно. И все же с годами копилась в нем горечь — слишком много он видел попыток «использовать и выбросить» его и слишком много он слышал откровенной лжи, видел больше нападок, чаще несправедливые, чем благодарности. Его приятель, журналист и редактор газеты «Россия» Г. П. Сазонов, несколько раз предлагал Распутину подать в суд на ту или иную газету за клевету, но каждый раз тот отвечал:

— Ты, миленький, вспомни, как Господь наш страдал! Что же обо мне говорить!

— Но нельзя же, Григорий Ефимович, им все прощать, ведь на шею сядут!

— Бог им простит...

По словам старшей дочери Распутина, когда ему показывали какую-нибудь неприятную заметку в газете, он усмехался и говорил: «Пусть журна-

листы зарабатывают себе на хлеб насущный хоть такой писаниной».

Правда, порой, увидев случайно на столе у своих поклонников тот или иной газетный листок с очередным выпадом против него, он незлобиво бросал: «Дрянь, скоро умрет». И действительно, через пару месяцев, в лучшем случае через полгода та или иная «отмеченная» им газета самоликвидировалась.

Он, впрочем, немного побаивался журналистов, особенно в первые годы своей известности. Как человек малограмотный, он воспринимал любого грамотея как некоего колдуна, способного измельчить камень одним взглядом. Вскоре этот комплекс неполноценности был преодолен, и Григорий общался с журналистами как равный с равными.

Распутин находил в себе и просветительское призвание. Стремясь предать гласности свои предсказания, он расширял круг своих почитателей посредством печатного слова. В разное время им было надиктовано шесть брошюр, изданных на средства известного общественного деятеля А. Ф. Филиппова и заполненных всевозможными пророческими сентенциями и религиозными рассуждениями: «Горе мятущимся и злым, им и солнце не греет, алчных и скучных весна не утешает, у них в очах нет дня — всегда ночь. Зло и зависть до сих пор в нас, между большими и более великими, и интрига царствует в короне... Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог!..»

Но те же самые слова, произнесенные, что называется, «живьем», под обаянием его голоса и взгляда слушателям Григория Ефимовича казались более глубокими, чем изложенные печатно в книгах. «Распутин любил поучать людей, — вспоминал один из слушателей его проповедей. — Но он говорил немного и ограничивался короткими, отрывистыми и часто даже непонятными фразами. Все должны были внимательно к нему прислушиваться, чтобы разобраться в логике его речи».

«Человек он с замашкой стоять с образованными людьми на одной ноге», — замечал Сергей Труфанов. (Но «замашки» эти произрастали не на пустом месте...) А знавший Распутина в последние годы Белецкий говорил о «желании его быть все время центром общего к нему одному интереса».

Стремление быть на виду часто присуще одаренным натурам — у Распутина, на которого многие смотрели, как на «мужика», было оно болезненно развито. Поэтому он так часто, иногда в ущерб и себе и своим последователям, старался подчеркнуть свою значимость, близость «высшим», по-детски сердился, когда не верили его пророчествам.

По словам наблюдательного современника, Григорий Ефимович «натура нервная, экзальтированная, способная глубоко заглянуть в душу человека, сама способная чувствовать сильно и глубоко». Распутин притягивал к себе людей разных возрастов и убеждений, различного социального происхождения и общественного положения.

«Успех его проявился преимущественно в самых

низах народных и в самых верхах... — продолжал Труфанов свою мысль. — Это объясняется тем, что в низах и в верхах ищут Бога».

По-видимому, это верно, но постепенно Распутин приобрел сторонников и среди представителей других сословий, причем не только эксцентричные натуры поддавали под его влияние... Кроме поклонниц и поклонников из петербургского высшего света были среди его приверженцев — на долгий или короткий срок — и журналисты Г. -П. Сазонов, И. А. Гофштеттер, А. А. Кон, и придворный А. Э. Пистолькоре, и военный Д. Н. Ломан, и священник А. И. Васильев и другие. Он «привлек меня к себе своим странно влекущим взглядом, удивительным ясновидением, и с тех пор я готов идти за ним куда угодно», — признавался один из провинциальных журналистов.

Число поклонников росло день ото дня: предсказания его производили лишь благоприятное впечатление, из уст в уста передавались истории о его пророческом даре.

«Произошло что-то странное, — вспоминала Елена Джанумова, у которой умирала племянница в Киеве. — Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало, как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо: «Она не умрет, она не умрет, она не умрет...» Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску, и продолжал начатый разговор, как будто ничего не было...

Я собиралась вечером выехать в Киев, но получила телеграмму: «Алисе лучше, температура упала...» На просьбу сделать «еще так» Распутин ответил:

— То было не от меня, а свыше.... И опять это сделать нельзя».

Дочь сибирского купца Василия Петрова Распутин «заговорил» от экземы, Ольгу Лахтину — от неврастении кишок, сына Арона Симановича — от паралича, возвратил к жизни попавшую в железнодорожную катастрофу и признанную безнадежной Анну Вырубову.

Менее достоверно, хотя и вполне вероятно, что Распутин лечил царя от злоупотребления спиртным — «запрещал» ему пить на две-три недели, предостерегая его от опасности возможных провалов в рассудке.

Арону Симановичу он «запретил» играть в карты под страхом большого проигрыша. Симанович не поверил и проигрался, однако после, до гибели Григория Распутина, не играл вообще.

Известна история с серебряным портсигаром, подаренным царю Григорием Распутиным. Последний подарил его Николаю II со словами:

— Вот ты куришь. Это, конечно, нехорошо. Да Бог тебя простит. Кури, покуда я жив. А как не станет меня, то и у тебя табачок скоро кончится. — Григорий проповеднически поднял палец вверх. — А другим мой подарок, думаю, не в радость придется...

Портсигар был фабричной выработки и отличался от сотен себе подобных только гравировкой

на крышке: «Русской земли царю от Григория из села Покровского».

Николай им очень дорожил и всегда держал при себе.

Уже будучи в Екатеринбурге, прогуливаясь по дорожкам куцега сада, разбитого около неказистого дома инженера Ипатьева — последнего пристанища в этом мире, Николай Александрович обратил внимание на солдата охраны, рвущего у забора лопуховые листья.

— Зачем они вам? — участливо спросил уже бывший император.

— На табак, — последовал ответ. — Теперь настоящего табачка днем с огнем не сыщешь. А лопух, он вроде как и дымит... Подсушишь его, порубаешь, и сигарку аккурат завернуть можно.

Николай достал из нагрудного кармана гимнастерки распутинский портсигар, щелкнул крышкой:

— Пожалуйста, закуривайте.

— Премного благодарен. — Солдат вытянулся и, секунду поколебавшись, взял две папиросы: одну раскурил здесь же, а вторую заткнул за ухо.

— А я ведь вас узнал, — задумчиво произнес Николай. — Вы служили в моем конном полку.

У императора была поразительная память на лица:

— И ваша фамилия...

— Кабанов, ваше величество, — пораженный, невольно подтягиваясь и застегивая ворот застиранной гимнастерки, закончил солдат.

— Что это ты перед арестантом тянешься? —

насмешливо спросил его Яков Юровский, комендант «дома специального назначения», когда Николай отошел.

— Так ведь он мне настоящие папиросы дал. Я их год как не курил: все лопух да дубовый лист.

— Ну-ну, смотри, ишь какой благородный.

Состроив недовольную гримасу, Юровский удалился.

Комендант оказался человеком злопамятным: бывший рядовой его императорского величества конногвардейского полка Кабанов был включен в расстрельную команду.

Свидетели утверждали, что Кабанов после кошмарного ночного расстрела чуть ли не на коленях умолял Юровского подарить ему императорский портсигар, слегка помятый пулей.

— Я же служил в его полку, — канючил Кабанов.

Но у Юровского были свои соображения насчет этого «сувенира». Кабанову в качестве «откупного» досталось маленькое золотое колечко с бирюзой, принадлежавшее великой княжне Анастасии Николаевне, самой младшей из четырех царских дочерей.

Портсигар оказался у Якова Михайловича Свердлова, второго человека в большевистско-советской властной иерархии. Юровский переслал царскую вещицу в Кремль с оказией, рассчитывая, видимо, на покровительство столь важной персоны.

Но, как и предсказывал Распутин, подарок его в чужих руках — предвестник несчастья. В марте

1919 года Свердлов, в возрасте неполных тридцати четырех лет, скоропостижно скончался: по официальной версии — в результате двухстороннего воспаления легких, по «народной» — он пострадал в ходе митинга на одном из провинциальных заводов. Доведенные до отчаяния — нечего есть, нечем согреть свой кров — рабочие забросали трибуну, с которой он выступал, камнями, а затем, смяв немногочисленную охрану, избили Свердлова до полусмерти. (Удивительно, но факт: смерть Якова Михайловича пришлась аккурат на вторую годовщину отречения от престола Николая Александровича.)

В страшных мучениях окончил свои дни и Яков Михайлович Юровский — неоперабельная язва желудка свела его в могилу (в 1938 году) в неполных шестьдесят лет. Он так и не узнал, что его арестованной накануне дочери инкриминировали «участие в контрреволюционном монархическом (?! — В. Т.) заговоре». Против чего боролись, на то, как говорится, и напоролись.

«Потустороннюю силу» Распутина признавали многие его недоброжелатели. «Уже то обстоятельство, — говорил протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский, — что Распутин заставлял задумываться над ним (то есть о нем. — В. Т.) таких отнюдь не склонных ни к суеверию, ни к мистицизму, напротив, привыкших на все смотреть прежде всего с позитивной точки зрения людей, как профессор медицины Федоров, уже это одно вызывает серьезный вопрос».

Многие считали, что Распутин владел навыками гипноза.

Вот рассказ дружески настроенного по отношению к Григорию Ефимовичу Арона Симановича. Сын его «страдал болезнью, которая считалась неизлечимой. Его правая рука постоянно тряслась, и вся правая сторона была парализована... Я привез... сына на квартиру Распутина, посадил его в кресло в столовой, сам постучал в дверь спальни и быстро покинул его квартиру. Мой сын вернулся домой через час. Он рассказывал, что Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел напротив него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо к глазам и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него: «Пошел, мальчишка!!! Ты совершенно здоров! Ступай домой, иначе я тебя выпорю!» Мальчик вскочил, засмеялся и побежал домой».

А вот рассказ враждебно настроенного к Распутину Феликса Юсупова (его будущего убийцы). Он пожаловался как-то: «Работать не могу — очень быстро утомляюсь и становлюсь больным... «Старец» уложил меня на диван, стал передо мною и, пристально глядя мне в глаза, начал поглаживать меня по груди, шее и голове. Потом он вдруг опустился на колени и, как мне показалось, начал молиться, положив обе руки мне на лоб. Лица его не было видно, так низко он наклонил голову. В такой позе он простоял довольно долго, затем быстрым движением вскочил на ноги и стал делать пассы...

Сила гипноза Распутина была огромна. Я чувствовал, как эта сила охватывает меня и разливается теплотой по всему моему телу. Вместе с тем я весь был точно в оцепенении. Я пытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон... Лишь одни глаза Распутина светились передо мной каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг...»

Гипноз приводился вообще как самое простое объяснение всех талантов Распутина. «Он — поразительный гипнотизер, — говаривал министр внутренних дел А. Н. Хвостов. — На меня вот он не действует, потому что у меня есть какая-то неправильность, что ли, в строении глаз. Но влияние его настолько сильно, что ему поддаются и самые заматерелые филеры, на что уж, знаете ли, эти люди прошли огонь, воду и медные трубы... Но когда я его увидел, я ощутил полную подавленность, — рассуждал он же позднее, противореча сам себе. — Распутин на меня давил, у него была большая сила гипноза».

Какая-то «неправильность» была у А. Н. Хвостова не только в глазах, но и в уме (об этом замечал и сам Григорий Распутин, считавший министра большим фантазером и предрекавший, что он плохо кончит), доверять его свидетельствам следует с большой осторожностью. Однако и его преемник на посту министра А. Д. Протопопов считал, что «Распутин имел гипнотическую силу».

Распутин обладал силой душевного внушения, доходившей до необычайно высокой степени, наи-

большого накала. Каким-то внутренним напряженным сосредоточением всей своей воли он достигал результатов столь неожиданных, сколь и исключительных.

По словам директора департамента полиции С. П. Белецкого, в 1913 году Распутин брал уроки гипноза. Белецкий, «собрав более подробные сведения об этом гипнотизере Х., принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петербурга». Об «уроках» Белецкий узнал из перлюстрированных писем гипнотизера к его подруге, и не ясно, не выдавал ли тот, возлагая «большие надежды... на Распутина», желаемое за действительное.

Старшая дочь Распутина Матрена, напротив, неоднократно повторяла, что «у него (Распутина. — В. Т.) было не только отвращение, но просто ужас к таким вещам. Я вспоминаю, как однажды известный гипнотизер пришел к моему отцу со словами: «Мой дорогой коллега». Отец в раздражении вышвырнул его из дома».

По всему мироощущению Григория Распутина слова его дочери кажутся стоящими ближе к правде. Возможно, что своим удивительным взглядом, плавными и загадочными движениями рук он приводил в более податливое, внушаемое состояние тех, кто обращался к нему за помощью. Гипнотическое состояние, как правило, необычайно повышает внушаемость — но вовсе не обязательно для внушения. Нельзя исключить, что Распутин обладал редчайшей способностью генерировать еще не

изученное наукой так называемое биологическое поле. Его дочь Матрена неоднократно упоминала о «нервной силе, витальности, исходившей из глаз отца, из его исключительно длинных прекрасных рук». Согласно мнению Сергея Труфанова, распутинская сила «исходит у него не через руки, а преимущественно через его серые, неприятные, пристальные «резкие» глаза. Этой силой он прямо-таки покоряет себе всякую слабую впечатлительную душу».

Сам Распутин считал, что от его тела, от прикосновений рук исходит сила, — «разве можно зарывать свой талант в землю?!». С большой уверенностью можно сказать, что внутренняя сила Распутина опиралась на силу его веры и силу его воли. Правда, у Распутина не было образования, чтобы создать какое-то подобие системы. Единственным объяснением собственной силы для него было то, что «через него действует Божья воля».

С внушением и самовнушением мы имеем дело тысячелетия — и тысячелетия этот вопрос остается одним из самых необъяснимых и загадочных. Загадочных, если говорить о причинах и пределах так называемой суггестивной силы, но ее приложение в сфере медицины общеизвестно.

Каждая вторая болезнь — явление исключительно психосоматическое. По-видимому, в той степени, в какой вовлечена психика, может действовать и суггестивная сила. С помощью последней можно окончательно излечить от неврастении кишок, но не такую страшную болезнь, как гемо-

филия, — возможно только на время остановить кровотечение и максимально облегчить страдание больного.

Но Распутин чувствовал своего «пациента» и своего «прихожанина», верил, что может его вылечить, и усилием своей воли, посредством молитвы, передавал эту веру ему. В сущности, его лечение «тел» не отличалось от лечения «душ» и требовало от пациента доверия и подчинения. Если его воля встречалась с чужой, то большая часть внутренней силы могла просто уйти на ее преодоление.

Распутин считал, что для приложения данной ему Богом силы к больным «духом» или «телом» нужны доброта и любовь, а первое условие «излечения» — это пробуждение в больном веры.

— Ну а как же вы узнаете, чем болен человек? — спрашивал его собеседник.

— Пока в душу не заглянешь, что можно сказать?.. У всякого свое горе... И труднее всего заставить человека поверить, — ничуть не смущаясь, отвечал Григорий Ефимович. — Безверие — это та же болезнь, но «нет такого человека, которого нельзя было заставить поверить и утешить. Хотя с настоящими неверующими плохо... Будешь говорить с ними, меньше всего упоминай про Бога... Главное, полюби, узнай, отчего страдает человек... Не можешь полюбить человека — ничего не выйдет».

Как о примере удачного лечения Распутин рассказывал об одном чиновнике, на глазах которого революционеры убили петербургского градоначаль-

ника фон Лауница. Потрясенный чиновник «целых три дня кричал, никого видеть не хотел. Позвали меня. Начал я за ним ухаживать: то подушечку поправлю, то нежно и любовно поглажу, то уговорить стараюсь: «все, дескать, пройдет, простить надо и все забыть... Забудешь и начнешь выздоравливать...» «Забыть? Забыть? Забыть? — вскричал, наконец, больной, — в тебя бы, старый черт, стреляли, так ты другую песню бы запел». Как сказал он это, отлегло от сердца, и выздоравливать стал».

Свидетельствует вдова поручика Инженерной академии Хиония Берладская: осенью 1906 года ее познакомила с Григорием Ефимовичем, как с «особенным и удивительным» человеком, одна ее хорошо знакомая генеральша. Берладская находилась в этот период а ненормальном душевном состоянии из-за самоубийства мужа, виновницей в его смерти она считала именно и только себя. Распутин сразу же успокоил ее, указав на то, что ведь удавился же Иуда. Это Берладская поняла в том смысле, что если даже сам Христос не смог переделать своего ученика, то не столь уж она, слабый человек, повинна в смерти своего мужа.

Исходящую от Распутина силу чувствовали не только близко его знавшие, но и совершенно посторонние люди, многие из которых никогда и не слышали о Григории Ефимовиче.

Анна Вырубова рассказывала императрице, как «на одной из маленьких станций на Урале... стояли два поезда теплушек с китайцами-рабочими...

Увидя Григория Ефимовича у вагона, вся толпа китайцев кинулась к нему, его окружила, причем каждый старался до него добраться. Напрасно уговаривали их старшины вернуться в вагоны. Наш поезд тронулся. Китайцы провожали его восклицаниями, махая руками».

Силу Распутина чувствовали и животные. «Григорий с кучером пошли искать след... — описывала упомянутая уже Берладская свое путешествие в Покровское. — Вдруг тройка вздрогнула, захрапела и помчалась испуганная, не разбирая куда. Сын испугался, а сестра и я стали кричать, лошади еще больше от крика понесли... Вдруг за несколько сажен от тройки распростер руки Григорий... а тройка прямо на него — но перед ним сразу остановилась».

«Сильная воля дала ему возможность круто повернуть от разгульной жизни к подвигам поста и молитвы, — считал его друг, а потом непримиримый враг Илиодор (он же упоминаемый нами Сергей Труфанов). — Сначала этими подвигами, потом крайним половым развратом он утончил свою плоть и довел нервы свои до высшего нервного колебания... Распутин — пророк прозорливый, натура сильная духом, экзальтированная, глубоко чувствующая и проникающая в души других». Он выработал в себе «пытливость и тонкую психологию, которая граничит с необъяснимой прозорливостью», — так рассуждал долго и внимательно наблюдавший за старцем Белецкий.

Один из современных авторов пытался объяснить дар Распутина с сугубо научной точки зрения:

«Конечно, у людей есть склонность преувеличивать все «таинственное», вероятно, сбывшиеся предсказания запоминались лучше несбывшихся. Однако отрицать возможность ясновидения, предвидения и телепатии только потому, что позитивная наука не дала им еще объяснение, не кажется лучшим подходом. Это вроде анекдота о том, как, услышав впервые голос по телефону, «скептики» полезли смотреть, кто прячется под столом. Подлинный скептицизм не есть уверенность в мистификации.

Если исходить из того, что корни будущего — в прошлом, то ничего загадочного в предсказаниях нет. Можно предсказывать на основании формальной обработки статистического материала, хотя всегда остается множество неучтенных данных. Можно предсказывать на основании интуиции — некоего внезапного озарения, механизм которого лежит на грани сознательного и бессознательного. Остается неясным, как много осознанных, а еще более неосознанных наблюдений скапливается, прежде чем это озарение наступает, но у некоторых эта способность достигает огромных размеров.

Интуитивное убеждение для того, кто к нему пришел, как правило, более убедительно, чем основанное на общепонятных доказательствах. Однако и другим нельзя внушить его с помощью рациональных доказательств, но только путем эмоционального вовлечения. Таким эмоциональным во-

влечением и убеждал Распутин, с его глубоким и основанным на большом опыте интуитивным пониманием людей и событий...

Чувствительность Распутина была на грани мистического. Обобщения вывести несложно. Гораздо труднее, однако, а порой и невозможно было объяснить конкретные предсказания старца. В. В. Шульгин приводит эпизод, как Распутин сидел в салоне баронессы В. И. Иксуль и «вдруг чего-то заволновался... заерзал... привстал: «Уйти надо... враг идет... сюда идет... сейчас здесь будет...»

И правда, позвонили, и в комнату вошла приятельница баронессы, действительно ненавидевшая Распутина.

Шульгин рассказывал так же, как Распутин, находясь в Киеве, ни с того ни с сего дал деньги какой-то совершенно неизвестной ему пьяной бабе.

«Она бедная, бедная... она не знает... У нее сейчас ребенок умер... Придет домой — узнает», — сбивчиво объяснил он своему удивленному спутнику.

Через день на вопрос Шульгина о ребенке Григорий Ефимович ответил:

«Умер... Нарочно проверил, спросил ее адрес...»

Спаси и сохрани

Возможно ли, кто-нибудь когда-нибудь правдиво напишет о Ники и Аликс? Истории, выдуманные о них, просто невероятны...

*Великая княгиня
Ольга Александровна Романова*

За отрока — за Голубя — за сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Марина Цветаева

Распутин не терял времени зря, круг его знакомых рос день изо дня в день: люди и судьбы, судьбы и люди. Неповторимый бег времени и жизни. Что приводило людей к Григорию Распутину? Не только болезнь, горе, любовь, восхищение, одиночество, жажда утешения, но и корысть, подлость, неистребимый поиск ответа на извечные вопросы жизни, с которыми идут к старцам, но на которые окончательно ответить не

может никто. Десятки, сотни, тысячи посетителей и просителей. Они шли непрерывной чередой. Люди всех слоев, национальностей, состояний и сословий — от последней нищенки до премьер-министра.

Ранним утром в дверь комнаты, которую снимал Распутин, осторожно постучали. Гостей было двое: высокий и худощавый священник и приземистый, крепкого телосложения, хорошо одетый господин с тросточкой. Первый — Георгий Гапон, тогда еще никому не известный слушатель Петербургской духовной академии. Второй — профессор Петербургского и Московского университетов, доктор экономических наук, писатель и предприниматель, публицист и... искатель приключений Иван Христофорович Озеров.

Целью их раннего визита к Распутину было желание посоветоваться с Григорием Ефимовичем по волнующему «круги общества» (выражение Озерова) вопросу о возможности создания в Петербурге и Москве независимых рабочих обществ, главная задача которых — отвлечение столичных пролетариев от вооруженных и террористических форм противостояния с властью и обращение их к чисто мирным средствам отстаивания своих интересов и прав.

Распутин, выслушав почти получасовой монолог профессора Озерова, выдержал трехминутную паузу.

— Намерение ваше похвально. Кровь человек

ческая дорога. Пролить ее грешно, ох грешно. Мы не Каины... Но и глазеть лениво со стороны на убийство братьев наших еще хуже... Творите благое дело, творите... Бог вам в помощь, — Распутин запнулся. — Надеюсь, что заботы ваши найдут отклик в душах братьев наших. Но чую, и врагов у вас будет немало, ох немало... Как бы кровью новой все не закончилось...

Распутин как в воду смотрел: все закончилось кровавым 9 января 1905 года... Гапона Григорий Ефимович больше никогда не встречал, но слышал о его «подвигах», дурной славе и печальном конце священника. А вот Озеров еще неоднократно появлялся в квартире у Распутина. Профессора интересовало мнение Григория Ефимовича по многим насущным проблемам: от оценки того или иного политического деятеля до рекомендации о возможности вложения собственных средств в акции того или иного перспективно развивающегося предприятия. К советам Распутина Озеров прислушивался (и, как правило, не прогадывал), в его переписке с коллегами и друзьями постоянно проскальзывали фразы: «старец сказал, что...», «Распутин считает так...», «отец Григорий не рекомендует...».

В 1909 году Озерова выдвинули — от Петербургской академии наук и российских университетов — в члены Государственного совета. Он дал согласие занять этот ответственный пост лишь после многочасовой беседы с Распутиным.

— Эх, Ваня, — вздыхал Григорий Ефимо-

вич, — счастливый ты, братец мой, людям можешь послужить... Так служи! Понял? Уяснил?

...Поздний вечер, в комнате Распутина тишина. Григорий Ефимович сидит за небольшим столом, читая по складам Библию. Неожиданно дверь распахивается, и перед удивленным Распутиным предстает закутанная во всевозможные платки маленькая старушка. В ее руках огромный посох, за плечами потертый сидор.

— Здравствуй, милый, — старушка кланяется и крестится, — здравствуй, касатик. Здравствуй, мой дорогой.

— Здравствуй, мать, — оправившись от неожиданности, произносит Распутин.

Не давая Григорию раскрыть рот, старушка говорит торопливо и без остановки:

— Ой, милый! А я ведь к тебе, к тебе, касатик. Матрена я, Васьковы мы, из Архангельска города, может, слышал? Горе у меня, касатик, ох, горе... Сыночка-то мово младшого, единственного, кормильца мово дорогого, в участок свели... А за что? Бают, что лошадь у Ивана Кузьмича, соседа нашего, увел. Врут, врут изверги, уж они мужа моего извели, старших сынов на каторге сгноили, тапереча за младшенького, Митиньку, взялись, супостаты. Чтоб им ни дна, ни покрывки... Аспиды...

Распутину с трудом удалось вклиниться в поток слов Матрены:

— А от меня-то ты, мать, чего хочешь?

— Как чего, касатик? Помогите! Народ байт, что ты можешь все, все знаешь, все наперед видишь...

Сделай так, чтобы сыночка моего, Митиньку, освободили...

— Да что ты говоришь, матушка, как же я его...

— О, мила-а-ай, — Матрена залилась слезами, — знать, не увижу я своего младшенького, не увижу-у-у...

Дело начинало приобретать неприятный оборот. Григорий Ефимович не знал, как успокоить старушку, а уж тем более не знал, как помочь ее непутевому сыну.

— Ты вот что, мать, — Распутин ласково провел ладонью по голове Матрены, — ты вот что... отправляйся домой. А я, я молиться буду. Не верю я, на тебя глядячи, что сын твой — конокрад, не верю.

Теперь уже неожиданной гостье пришлось удивляться: как, одними молитвами?

— Да, да, — словно читая ее мысли, кивал головой Григорий Ефимович, — одной молитвой. А ты, если сможешь, приезжай через месяц. Посмотрим, что получится...

Но Распутину не пришлось ждать целый месяц. Уже буквально дней через пятнадцать, примерно в то же самое время, дверь вновь с треском распахнулась, и Григорий увидел на пороге свою старую знакомую — Матрену. Она была не одна, с ней пришел и долговязый парень, очень похожий лицом на мать: те же льняные волосы, васильковые глаза и нос картошкой. Только молчаливый — не в мать.

— Здравствуй, милый, — уже по голосу чувствовалось, что Матрену прямо-таки рапирало от радости, — вот, вместе с сынком пришли, побла-

годарить. Знать, сильна твоя молитва, батюшка. Митиньку мово освободили.

— Рад за вас, — Григорий подошел к Матрене и Дмитрию.

— Поклонись, Митинька, поклонись батюшке. Он тебе помог, он мне сказал, что ты не виновен. Он верил в это.

Сын Матрены низко поклонился.

Распутин перекрестил его и мать:

— Все в Его руках...

Что на самом деле произошло, так и осталось тайной...

Благодаря отцу Феофану Григорий Ефимович близко знакомится с графиней Софьей Сергеевной Игнатъевой (урожденной княгиней Мещерской). Графиня проживала на Французской набережной в тиши многочисленных посольских особняков, где Нева «щедро обливала окна прохладной синевой, где из Летнего сада доносило благотворный шум отцветающей зелени...».

Салон графини Игнатъевой, представлявший собой нечто вроде «теневого кабинета министров», частенько посещали великие княгини Милица и Анастасия (Стана) Николаевны и муж последней — великий князь Николай Николаевич¹, а

¹ Анастасия Николаевна (1868 — 1935) — княгиня, жена великого князя Николая Николаевича, дочь черногорского короля Николы I.

Милица Николаевна (1866 — 1951) — великая княгиня, жена великого князя Петра Николаевича, дочь черногорского короля Николы I.

также видные политические и государственные деятели, журналисты, писатели, служители Мельпомены. Графиня стремилась окружить свой салон ореолом значительности и демократичности, и сюда же приглашались, что называется, «люди из народа» — простые деревенские мужики или священнослужители из Богом забытых уголков России. Их окружали всеобщим вниманием, расспрашивали о многом, задавали всевозможные вопросы, но никогда не спорили, оставляя свое мнение при себе.

Появление в салоне старца Григория для многих обернулось настоящим потрясением. Графине Распутин предсказал, что она переживет своих детей (погибли в годы гражданской войны), а Анастасии и Милицы — что они умрут в изгнании, причем сначала младшая, а потом старшая, гофмаршалу Александру Танееву — милость императора и продвижение по службе, барону Штольцу — смерть от несчастного случая, княгине Белозерской пожар в усадьбе.

Поразил всех Григорий Ефимович и глубоким познанием Евангелия.

Завсегдатаи салона графини Игнатьевой увидели в нем толкователя, кому Священное писание служит не только для абстрактных молитв, а является книгой из плоти и крови, доступной «нам, грешным, книгой, утешающей в прегрешениях».

Стана и Милица уже после первой встречи со старцем были от него без ума. Больше всего их поразил ответ Григория на вопрос, когда их отец станет королем Черногории. Распутин, задумав-

шись буквально на несколько мгновений, ответил: «Через пять лет». (Заметим, что дело происходило летом 1905 года, а через пять лет черногорским королем стал Никола I, их родитель.)

Тогда же Распутин познакомился и с фрейлиной ее величества Анной Александровной Вырубовой. При первой встрече с ней Распутин иносказательно заметил, что жизненный путь ее усеян не розами, а «колочим репьем»; «крест» ее очень тяжел, но все трудности лишь на пользу, ибо в испытаниях и при ударах судьбы человек совершенствуется.

Григорий оказался прав во многом: у Вырубовой не сложилась личная жизнь, муж ее оказался негодяем, ее служба и дружба с царем и царицей обернулись для нее трагедией (после революции ее ждало издевательское следствие и тюремное заключение в Петропавловской крепости), из-за несчастного случая она превратилась в инвалида, передвигаясь лишь на костылях. Даже после смерти Вырубовой имя ее использовали аферисты и бумагомаратели всех мастей: от ее имени издавались откровенные фальшивки — дневники, воспоминания, переписка с императором и императрицей.

Благодаря черногорским княгиням, их предприимчивой родне и Вырубовой Григорию Распутину открывалась прямая дорога в Царское Село.

Великая княгиня Ольга Александровна была права. Действительно, о последнем российском императоре написаны сотни (если не тысячи) книг и статей, но все они, к сожалению, представляют им-

ператорскую фамилию в двухцветном — черно-белом — ракурсе: жизнеописание Николая II и Александры Федоровны преподносится либо как отрицательное, либо исключительно в радужных красках.

Все гораздо сложнее...

Ранняя смерть Александра III, которому было всего лишь сорок девять лет, не могла не сказаться на душевном состоянии его старшего сына, наследника российского престола. Думается, что у Николая II был своего рода «сыновний комплекс», он искал — бессознательно — некоего сильного, как отца, человека, за спиной которого он мог бы укрыться от житейских бурь, и, как строгого отца, начинал этого человека обманывать и восставать против него, чтобы проявить свое собственное подавленное «я».

...Призрак старика Фрейда «маячил» за спиной Николая Александровича. Аликс Виктория Елена Луиза Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадтская, крещенная по православному обряду и получившая имя Александры Федоровны, жена Николая II, тоже немало испытала на своей судьбе. Ей было шесть лет, когда внезапно умерла мать, и это наложило глубокий отпечаток на характер Алисы (так звал ее супруг). С детства у нее стали проявляться черты властности, упрямства и набожности. Приезд в Россию к любящему ее Николаю ознаменовался коренной ломкой духовных ориентиров: ей пришлось принять православие. Крещение было условием брака, но при ее глубокой религиозности

переход из протестантизма в православие был нелегко, ее даже освободили от обязанности трижды отречься от старой веры. Что бы ни сыграло решающую роль, она обратилась к новой религии со всем жаром души. Особенно поразила ее древняя обрядовая сторона православия, так контрастирующая с очень простыми внешними формами протестантизма.

«Для императрицы старина была дорога в мистическом отношении, — писал Георгий Шавельский, — она уносила ее в даль веков, к тому уставному благочестию, к которому, по природе, тяготела ее душа».

Склонность к мистицизму развивалась у Александры Федоровны все сильнее и сильнее, и спустя некоторое время полностью овладела ею. Особенно сильное впечатление на нее произвела книга XIV века, в которой автор доказывал факт посредничества между Богом и человеком, о «Господних друзьях» («Amies des Diex») — смертных, но наделенных исключительной Божьей милостью. Царица свято верила, что есть люди, которые через неистовую молитву могут приблизиться к Богу.

С другой стороны, она хотела любить русский народ и быть им любимой, но «народ» был понятием отдаленным и неосязаемым, реальным было окружавшее ее «общество». Ни протестантское воспитание, ни православное неопитство не способствовали сближению Александры Федоровны с высшим петербургским светом, который со времен Екатерины II имел оттенок некоторого вольтерьян-

ства и не прочь был посмеяться над ханжеством; да и вообще, видимо, «нет ничего такого, над чем бы не посмеялся русский человек».

Сами обстоятельства брака, заключенного через неделю после похорон, способствовали отчуждению молодой императрицы, как бы «прибывшей за гробом». Неудачно сложились и отношения со вдовствующей императрицей — и та и другая претендовали на первенство в царской фамилии, и взаимная неприязнь сохранилась на всю жизнь.

В ноябре 1895 года она должна была родить, ждали наследника, но царица родила девочку, и затем это стало повторяться регулярно каждые два года: Ольга — в 1895 году, Татьяна — в 1897-м, Мария — в 1899-м, Анастасия — в 1901-м. Появились уже стишки о «причитании над молодой царицею, рождающей со стенанием девицу за девицею».

Отчуждению царицы от русской жизни даже в том ограниченном виде, какой представлял последнюю петербургский свет, способствовали и ее болезни, прежде всего истощавшая ее истерия. Много времени царица проводила, лежа под портретом Марии-Антуанетты в своем бледно-фиолетовом будуаре, среди любимых ею живых цветов. Картина не оставляла Александру Федоровну в покое. Она спрашивала себя, не будут ли ее упрекать так, как несчастную королеву Франции: непоследовательность в поведении, сословная гордость, расположение к врагам. Впрочем, по словам преподобного Серафима Саровского, «буде же Господу

Бргу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения». А у царицы был интерес ко всему, что связано с болезнью, и она находила своеобразное удовольствие в уходе за больными, особенно за детьми.

Царь и царица считали, что «сердце царево — в руках Божьих», между самодержцем и Богом существует мистическая связь и Бог дает царю знаки, как он должен поступать и чего ждать. Иногда эти указания поступают прямо в «сердце царево» — «совесть моя меня никогда не обманывала», иногда через «Божьих людей», «простецов», далеких от страстей мира и потому близких к Богу. Александра Федоровна ожидала этих знаков и чудес с верой и страстью, у Николая — при его житейском скептицизме — проскальзывало иногда недоверие если не к самому Богу, то к его многочисленным посланцам. Первыми такими посланцами оказались два француза — «доктор» Филипп и «маг» Папюс (он же доктор Анкосс, он же Энкос Жирар, председатель Верховного совета мартинистов — масонского ордена¹).

Месье Папюс, протеже Филиппа, мелькнул дважды — в 1900 и 1905 годах — и большого следа в царской семье не оставил. Известно лишь, что Папюс вызвал на спиритическом сеансе дух Александра III, которому Николай II задал несколько вопросов, касавшихся военных действий

¹ Известен также и как автор книги «Практическая магия», изданной в Петербурге в 1913 году и имевшей огромный успех.

против Японии и отразившихся впоследствии на решениях верховного командующего и Генерального штаба, а также вопросов внутренней политики. Под влиянием информации, полученной на сеансе, российский император якобы решился подписать указ о созыве Думы и дал «добро» на проведение наступательной операции под Мукденом. (Наступление русских войск, длившееся пять дней, закончилось страшным поражением и громадными потерями.)

Влияние доктора Филиппа было более глубоким. Филипп Ницье-Вашо, как и Распутин, родился в крестьянской семье, но гораздо раньше — в 1849 году. Двадцати трех лет от роду он бросил торговлю в мясной лавке (куда его пристроили родители) и занялся оккультизмом. Постепенно приобрел он известность предсказателя и целителя, и большим его поклонником стал русский военный атташе в Париже граф В. В. Муравьев-Амурский. Через него месье Филипп познакомился с черногорками Анастасией и Милицей, которые ввели его в царскую семью, и начиная с 1902 года он несколько раз нелегально приезжал в Россию.

Тайные поездки были predeterminedены тем, что влияние иностранцев всегда беспокоило православных иерархов (многим из них кругом виделись заговоры масонов, стремящихся «поглотить» Россию и навязать русскому человеку иную веру). Черногорками была даже устроена встреча между ним и отцом Иоанном Кронштадтским, чтобы показать последнему если не святость, то хотя бы безобид-

ность Филиппа. Чем закончилась встреча, доподлинно неизвестно: отец Иоанн был очень замкнутым человеком.

Вскоре после начала русско-японской войны 1904 — 1905 годов Александра Федоровна записала: «Бог и наш друг помогут нам!» Однако еще до подписания Портсмутского мирного договора между Россией и Японией Филипп Вашо умер (20 июля 1905 года), или, по уверению его поклонников, «поднялся живым на небо, окончив на планете свою миссию».

На столе у императрицы долго хранились «синяя кожаная рамка с несколькими высушенными цветами в ней — подарок «месье Филиппа»; он утверждал, что сам Христос прикасался к ним». Филипп Вашо оставил царице также «икону с колокольчиком, который, — как она писала царю, — предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне. Я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них».

В одну из последних встреч доктор Филипп предсказал Николаю Александровичу и Александре Федоровне, что скоро они будут иметь «другого друга, который будет говорить с ними о Боге». Несколько позже к императрице был введен архимандрит Феофан, ставший на короткое время ее негласным духовником, но, видимо, не сумевший увлечь ее. В этой атмосфере — при жажде живого чуда, но при условии, что оно должно быть исключительно русским, — возникла мысль о канонизации Серафима Саровского.

Монах Саровской пустыни Серафим (1760 — 1833), в миру Прохор Мошнин, еще при жизни пользовался славой великого подвижника. Кроме того, существовало преданий о пророчестве им судьбы будущих царей: на царствование Александра III, например, приходились сначала беды и «нестроения» (то есть неудачи. — В. Т.), затем война, смута, вторая же его половина обещала быть благополучной.

В 1902 году, «предвидя беды и великие страдания» (как говорилось в одном из официальных изданий того времени), Николай II предложил обер-прокурору Синода представить ему указ о провозглашении Серафима Саровского святым. Победоносцев доложил, что Святейший Синод провозглашает святым то или иное лицо лишь после долгих предварительных исследований. Царица возразила обер-прокурору в том смысле, что «государь все может». Победоносцев, проглотив обиду, твердо стоял на своем. Как ни неприятно было царской чете, но ей все же пришлось согласиться отложить канонизацию Серафима на год.

17 июля 1903 года Николай II, обе императрицы, члены императорской фамилии, многие государственные и политические деятели и священнослужители прибыли в Саров. На следующий день при скоплении 300 тысяч богомольцев и просто зевак произошло торжественное прославление преподобного Серафима Саровского. Поздней ночью императрица искупалась в пруду, где имел обыкно-

вание — даже зимой — купаться святой Серафим.

После исчезновения доктора Филиппа при дворе стали появляться новые «чудотворцы» и «избавители», о которых говорили, что они способны исполнить заветное желание царицы — родить наследника. Однако, в отличие от французского оккультиста, новые «чудотворцы» были не докторами и «салонными кудесниками», а юродивыми, русскими бесноватыми. Именно на начало XX века приходится знакомства царя и царицы с «русскими мистиками»: босоножкой Пашей — по выражению вдовствующей императрицы Марии Федоровны, «злой, грязной и сумасшедшей бабой», блаженной Дарьей Осиповой, странником Антонием, босоножкой Васей, косноязычным Митей Козельским, он же Коляба, он же Гугнивый.

Народ этот гораздо все менее приятный в общении, чем «месье Филипп» с его лучистыми и добрыми глазами, изящными манерами и тихим, вкрадчивым голосом. Их можно было часто встретить в любой русской деревне: будь то около Москвы или Петербурга или в самой глубокой провинции. В основном это были слабоумные мужчины, гораздо реже — женщины, чаще всего страдающие эпилепсией. Слабоумие этих сельских идиотов в глазах народа воспринималось Божьим знамением, а эпилепсия придавала им дополнительную «святость».

Сельское население и даже городская интеллигенция издавна верили, что дефективные, глухоне-

мые, эпилептики и идиоты особенно любимы Богом и что в их непонятном мычании, бессмысленных звуках, диких выкриках и судорожной трясучке проявляется дух Божий. Любые внешние проявления у этого типа идиотов считались манифестацией высшей Божьей воли, которой следовало слепо повиноваться, потому что она значила больше, чем «разум гордецов». Эти «нищие духом» считались избранниками, которым приписывалась чудесная сила и воздавались исключительные почести. Перед босыми, ходящими в страшных лохмотьях и грязными юродивыми крестьяне падали на колени, целовали края их рубищ и набожно слушали бессмысленную «речь», видя в ней волю Божью.

Одним из таких юродивых, оставивших заметный след в Царском Селе, был уже упомянутый нами Митя Козельский-Коляба — глуповатый калека из ближайших окрестностей Оптиной пустыни. Он был кривоногим, горбатым, почти немым и вместо рук имел две бесформенные культи. Из-за слабого зрения и слуха его надо было водить за культию. Вместо речи он с трудом выдавливал из себя непонятное мычание. Во время припадков эпилепсии он начинал визжать, а затем переходил на страшный рык и вой. Судорожные движения культей усиливали отталкивающий вид юродивого. Необходимо было иметь очень крепкие нервы, чтобы спокойно стоять рядом с ним во время припадков и пытаться угадать, что обозначают его физические кульбиты и нечленораздельные выкрики.

Вначале крестьяне из родного села давали ему поесть просто из сострадания, не замечая в его зверином рыке и устрашающем облике ничего божественного. И лишь «братья» из Оптиной пустыни открыли его чудесные способности. Хотя они сами не могли сразу объяснить смысл его выкриков и мычания, но увидели в нем юродивого, вдохновенного Богом, пророка.

«Ключ» к объяснению «предсказаний» Мити Колябы был в руках псаломщика церкви села Гоево, умудренного богатым жизненным опытом Елпидифора Кананыкина. Когда он молился перед образом Николая-чудотворца, голос святого объяснил ему таинственный смысл порождаемых Митей звуков и движений и велел увековечить находившийся до сих пор в тайне способ («ключ») объяснения предсказаний. Чудесный голос добавил, что юродивый Митя Коляба сыграет большую роль в истории России.

С этой поры Елпидифор был неразлучным спутником чудесного одержимого Мити Козельского и объяснял его предсказания.

— Молчать, — кричал Елпидифор расшумевшимся не в меру прихожанам. — Ишь как колотит родимого... Знать, пожару быть. А что гореть будет? Ась? Церковь, баит, церковь! Точно!

И верно: через два дня в соседней деревеньке занялась ветхая церквушка, и через пару часов от нее не осталось даже следа...

Вскоре случилось так, что Коляба предсказал одной высокопоставленной даме — княгине Аба-

мелик-Лазаревой — рождение долгожданного сына. И действительно, так и произошло. Вести об этом случае дошли до Петербурга, до Царского Села, вызвали там сенсацию, особенно заинтересовались «способностями» Мити в салоне графини Игнатъевой. Несколько членов этого кружка приняли решение доставить «святого» безумца к царскому двору, чтобы он своей чудесной силой помог царице в исполнении ее заветного желания. Князь Оболенский, чьи поместья находились под Козельском, на личном опыте знающий «подвиги» Колябы, вызвался привести его вместе с Елпидифором Кананыкиным в Петербург и в Царское Село.

И вот наступил момент, когда Митя Коляба и псаломщик появились в салоне черногорских княгинь, а затем у графини Игнатъевой. Через два дня они были представлены царской чете. При первом визите в Царское Село Митя, напугав царицу бессмысленными движениями культей, дважды промычал что-то нечленораздельное. Первый раз толкователь, почесав в затылке, пояснил: «Детей видеть пожелал», а второй: «Чаю с вареньем запросил».

Посещения императорской резиденции пришлось повторять неоднократно, так как лишь только во время припадка эпилепсии на Митю снисходило откровение и в нем появлялась чудесная сила, а так он был обыкновенным идиотом, вел себя непристойно, и с ним трудно было справиться.

Во время припадков Митя становился ясновидцем, и Елпидифор, находясь рядом с ним, объяснял

с помощью своего «ключа» мычание, визг, стона и рык, а также ужасающие движение его «рук» и ног.

В присутствии царя, царицы и черногорок извивающемуся в судорогах идиоту задавали разные вопросы, на которые он с пеной на губах отвечал все тем же непонятным мычанием или бляением. Псаломщик объяснял эти предсказания слишком размыто, но на вопрос о рождении наследника престола отвечал уклончиво:

— Еще слишком рано. Роды не могут вновь так скоро случиться. Митя пока еще не может точно сказать, кто родится — мальчик или девочка. Но он постоянно молится об этом и скоро точно сообщит.

Сколько бы ни повторялись эти сцены, никак нельзя было получить от юродивого и его товарища-толкователя точных сведений и ответов. Создавалось впечатление, что Митя только в этом случае не оправдывал себя, а единственным результатом этих сеансов было то, что у царицы под влиянием страшных криков и жестов начинались спазмы и ужасные головные боли. Она часто теряла сознание. Приходилось вызывать врачей, чтобы привести Александру Федоровну в чувство. Мите Колябе так и не удалось добиться при дворе большого влияния, как это удавалось без особого труда другим чудотворцам и юродствующим. Вскоре все махнули рукой на юродивого и обратили свой взгляд в другую сторону.

Генерал Александр Орлов нашел в глухой ря-

занской деревеньке нового человека, творящего чудеса. Это была юродивая Дарья Осипова, страдающая эпилепсией. Во время припадков она якобы предсказывала будущее, и считалось, что даже ее крики имели чудотворную силу и восстанавливали у женщин способность к деторождению.

В своей родной деревне Дарья (она была дворовой девкой) умела отводить и наводить порчу, вызывать роды, лечила безнадежно больных. Селяне почитали ее, но и боялись: уж очень она напоминала своим внешним видом самую страшную колдунью из русской сказки. Во время припадков ее вязали веревками, так как она крушила вокруг себя все подряд. При этом Дарья выкрикивала страшные проклятия и, в отличие от Мити Козельского, который только мычал, осыпала всех хорошо понятной и родной, сочной бранью. Тем не менее народ слушал ее с благоговением. Считалось, что во время неистовства небо посылало ей дар ясновидения. Именно Дарья Осипова претендовала на роль царской юродивой, пытаясь «оттеснить» преподобного Серафима Саровского. Но Николай II был непреклонен.

«Что касается святости и чудес святого Серафима Саровского, — отмечал император в письме к матери три года спустя после прославления преподобного, — то уже в этом я так уверен, что никто никогда не поколеблет мое убеждение. Я имею к этому неоспоримые доказательства».

30 июля 1904 года, ровно через 12 месяцев и двенадцать дней после молитв у гроба святого и

купания в пруду, императрица Александра Федоровна благополучно разрешилась от бремени. «Незабвенный, великий день для нас день, в которой так явно посетила нас милость Божия, — записал Николай II в своем дневнике. — В 1 ¹/₄ (часа. — В. Т.) дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем».

Чудотворцем и ясновидцем с политической окраской был во время деятельности Первой Государственной думы странник Антоний, занявший место Дарьи Осиповой. Поговаривали, что его слово, когда решался вопрос о роспуске Думы, было не последним. После него при дворе появлялись все новые «паломники», у которых спрашивали советов по различным вопросам.

Рождение наследника, казалось, вновь привнесло в царские чертоги мир и благополучие, но родительское счастье было недолгим. Уже 8 сентября 1904 года царь записал с тревогой: «Очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея».

Скоро выяснилось, что у наследника гемофилия, загадочная болезнь несвертывания крови, поражающая мужчин и передаваемая через женщин. Алексей получил пораженные гены от матери, а та через свою мать от бабки — королевы Великобритании Виктории. Малейший ушиб мог вызвать внутреннее кровотечение и кончиться смертью.

Отныне отец и мать суждены были жить в постоянном страхе за жизнь единственного и долгожданного сына, наследника русского престола. Страх за жизнь сына, который мог умереть от

своей неизлечимой болезни, стал их навязчивой идеей. Английский губернёр Сидней Гиббс писал в мемуарах, что «гемофилия сделала из мальчика калеку, как и все дети, он хотел побежать, поиграть, а я — запрещаю и хожу за ним, как курица за цыпленком, но я не в силах уследить за ребенком».

При склонности императора и императрицы к мистицизму более всего по душе пришелся бы им кто-то чуждый политической и придворной грязи, но близкий к Богу и народу, кто внушил бы им веру, что их сын не умрет, а самодержавие поколеблено не будет.

1 ноября 1905 года, через две недели после подписания знаменитого манифеста о свободах и через тринадцать с половиной месяцев после первого кровотечения у наследника, Николай II записал в своем дневнике: «Познакомились с человеком Божиим Григорием из Тобольской губернии».

Произошло это знакомство при весьма тягостных для императорской фамилии обстоятельствах: императрица Александра Федоровна третий день подряд не отходила от кровати больного сына. Неделю назад в ту несчастную послеобеденную пору матрос Деревенько принес на своих сильных руках болезненно искривленное, почти неживое тело маленького Алексея. Увидев его, сломленная прежними переживаниями царица упала в обморок.

Как они были осторожны и заботливы, чтобы не допустить нового несчастья! И все-таки это случилось. Малыш играл в парке под неусыпным надзором Деревенько и няньки Вишняковой. Нежи-

данно Алексей, пытаясь подняться с земли, сделал неосторожное, стремительное движение и упал, побелевший как смерть, на руки подбежавшего к нему Деревенько.

Мальчика уложили на кровать, сняли с него одежду, и тогда все увидели грозную гематому темно-синего цвета, означавшую опасное внутреннее кровоизлияние. Болезненно поджав ножки, ребенок лежал с желтым как воск лицом и резко обозначившимся на нем маленьким носиком.

Светилы российской медицины, срочно вызванные обеспокоенными родителями из Петербурга и Москвы в помощь царскосельским лекарям, обследовали маленького пациента, испробовали все возможные средства, неоднократно совещались и в конце концов вынуждены были признать свое бессилие. Не помогли и микстуры, и травяные настои тибетского врачевателя Бадмаева, которые давала ребенку царица, хотя ранее они приносили результат даже в тех случаях, когда традиционная медицина ничего не смогла сделать. Как будто бы Бог хотел испытать царицу. Тогда царица в горячей молитве стала просить Всевышнего, чтобы он еще раз совершил чудо и спас ее ребенка.

Проходили дни и ночи, а чудо не совершалось. Более того, боли у Алексея усиливались и состояние его здоровья заметно ухудшалось. Наступали моменты, когда он пытался играть с воспитателем и нянькой, но спустя некоторое время вновь возникающие боли настолько были сильны, что наследник постоянно терял сознание.

Еще через несколько дней не было даже этих перерывов, ребенок все время кричал и стонал. Никто из придворных не осмеливался приближаться к комнате больного. Лишь под утро пятого дня болезни обессиленный царевич замолк.

В этот момент страдающая царица почувствовала себя еще хуже, опасаясь, что в любую минуту смерть может забрать у нее ребенка. Несколько раз в день в комнату больного приходил царь, чтобы успокоить и поддержать свою дорогую и страдающую Аликс. Как-то раз ребенок в полусне, почувствовав на лбу холодную руку отца, проснулся, притянул к себе своей исхудавшей ручонкой его голову и вперемешку со стонами пытался что-то прошептать на ухо. Царь со слезами на глазах осторожно освободился от объятий ребенка и выбежал из комнаты. За одну ночь Николай II состарился на пятнадцать лет...

Усталая от ежедневного ухаживания за больным сыном, Александра Федоровна по-прежнему сидела у кровати страдающего Алексея. Теряя надежду, она все-таки не смирялась с судьбой. Правда, она перестала ежечасно молиться, убедив сама себя, что Бог больше ее не слышит. С той поры как Алексей заболел, она почти не покидала комнату больного ребенка, не переодевалась и не сомкнула глаз ни на минуту. Волосы у нее были не причесаны, щеки впали, а землисто-серое печальное лицо напоминало старушечье. Покрасневшие глаза ничего не выражали. Она забыла обо всем,

что раньше радовало ее, день слился с ночью, а ночь с днем.

Неожиданно кто-то осторожно постучался в дверь. Когда ответа не последовало, двери открылись и в комнату тихонько вошла Стана — великая княгиня Анастасия Николаевна. Царица не услышала стука. Она стряхнула с себя апатию, когда увидела перед собой разгоряченное лицо великой княгини, ее ближайшей подруги. Стана что-то произнесла, но ее величество не реагировала на слова непрошенной гостии. В молчании она некоторое время слушала свою родственницу, потом с плачем бросилась ей на шею, а та начала ее утешать, подбадривать:

— Малыш наверняка выздоровеет. Не надо убиваться, вскоре все изменится к лучшему.

Она заверяла ее, что на днях Алексей выздоровеет и все будет хорошо. Царица добьется любви подданных, а злобные придворные дамы провалятся под землю от стыда за свои подлости. Для всей России наступит такая счастливая пора, которой эта страна никогда не видывала...

Потом, перескакивая с одной темы на другую, она начала шепотом рассказывать о странном мужике из Сибири, о святом паломнике, с которым они с Милицей недавно познакомились. Это необычный человек, более мудрый и наделенный большей Божьей силой, чем господин Филипп и доктор Бадмаев. Она, Стана, не хочет богохульствовать, но считает, что своей святостью этот мужик превышает святость даже отца Иоанна Крон-

штадтского. Так говорят не только она и ее сестра Милица, но и сам отец Иоанн.

Александра Федоровна перекрестилась и попросила Анастасию Николаевну разъяснить, в чем дело.

С вдохновением описала великая княгиня, как во время богослужения в присутствии высшего света Петербурга отец Иоанн (Кронштадтский) воздал почести простому мужику, как впоследствии оказалось — Григорию Ефимовичу Распутину. Это, по словам Станы, случилось так: отец Иоанн заканчивал богослужение, как всегда, он говорил прекрасно и церковь была переполнена. Завершая молебен, священнослужитель призвал: «Подходите верные в послушании к Богу!» Среди толчеи кое-кто из молящихся попытался вне очереди получить причастие и благословение. И вдруг произошло что-то необычное и труднообъяснимое: дамы хотели протиснуться к отцу Иоанну, но в этот момент он с блеском в глазах отошел от алтаря, поднял правую руку вверх и возгласил: «Задержитесь! Среди нас находится достойнейший, более заслуживающий, чтобы первым принять святое таинство. Вот он». Отец Иоанн указал на обыкновенного мужика, который стоял сзади, в той части церкви, где слушают богослужение нищие, калеки и слепые.

Все удивленно и несколько испуганно посмотрели на человека, указанного Иоанном Кронштадтским. Это действительно был обыкновенный мужик в сильно потертом тулупе, в тяжелых, но

хорошо смазанных сапогах, с мощным посохом в руках и сидором за плечами. Паломник, какие в великом множестве проходили через столицу. Несмотря на скромную одежду, дамы обратили внимание (так по крайней мере со всеми подробностями рассказывала Стане графиня Игнатьева), что у мужика были чудесные светло-голубые глаза, такие, каких они не видели ни у одного человека.

Но еще более странным оказалось поведение паломника. Можно было ожидать, что действия отца Иоанна ошеломят его, однако этот странный человек даже не удивился. Спокойным шагом он приблизился к иконостасу, принял святое причастие и даже благословил (удивленная Александра Федоровна произнесла: «Не может быть!») отца Иоанна. Об этой удивительной истории весь Петербург говорил всю последующую неделю.

Но это еще не все (Стана перевела дух). Этот скромный паломник — Григорий Распутин — имел чудесную силу лечить людей, даже безнадежно больных, умел предсказывать будущее и давать настолько праведные советы, что никто не проявлял ни тени сомнения. Стана свято уверовала в это с того момента, когда почтенная и набожная мещанка вдова Башмакова появилась в Петербурге и рассказывала, что до приезда в столицу Григорий Распутин считался в родной стороне святым и чудотворцем, что к нему приходили матери с детьми, неизлечимо больные мужчины и женщины и он всех вылечил. Сама Башмакова все свое имущество предназначила на благотворительные цели в благо-

дарность за то, что Григорий Ефимович вернул ей здоровье.

Кроме того, Стана была просто ошеломлена общим впечатлением, которое произвел на нее Распутин, да и не только она одна, но и ее муж, сестра и деверь. Познакомившись с Григорием Ефимовичем, они близко приняли к сердцу его святость. С этого момента Распутин часто бывал у Станы, Миллицы, ее мужа Петра Николаевича. Во время посещения Станы Распутин, узнав от нее о плохом состоянии здоровья бедного цесаревича и об отчаянии Александры Федоровны, сказал: «Ты только скажи царице, чтобы она больше не плакала: я вылечу ее сына! А когда он наденет мундирчик, щечки сразу красными станут!»

Впервые за долгое время, проведенное у постели больного сына, на лице царицы появилась улыбка. Слушая новости от сидящей в ее ногах Анастасии Николаевны, Александра Федоровна возвращалась к жизни. Вначале она слушала невнимательно, подавленная грузом забот и опасений за здоровье своего младшенького. Лишь после получаса несколько сбивчивой речи Станы она начала, пока еще полуосознанно, понимать, о чем идет речь.

Постепенно кровь прилиwała к бедному, утомленному лицу царицы, в глазах появился блеск, они оживились. Позднее, когда Стана начала раздражать смешному выговору Распутина, повторяя его слова, и царица, хотела она этого или нет, улыбнулась. Все, что говорил этот мужик о «выздоровле-

нии» и «красных щечках», было настолько наивным, но и в то же время сердечным, что Александра Федоровна уже сейчас чувствовала к нему огромную — заочную — симпатию. Она хотела как можно скорее познакомиться с этим интересным человеком и решила в тот же день поговорить об этом с супругом — Николаем Александровичем.

Заметив, что царица, забыв о своих заботах, заинтересовалась отцом Григорием, Стана воспламенилась. Ее и так сильное возбуждение во время разговора дошло почти до экстаза. С большим знанием дела, жестикулируя, она описала внешность Григория, особенно его глаза, их чудесный взгляд. Она говорила об огромной силе этого взгляда, под его воздействием забывалось, что перед вами стоит обыкновенный русский мужик. Повторяя слова «нового святого», она рисовала — в воздухе — его фигуру и жесты. Ее темпераментный рассказ и пламенный порыв возбуждали государыню.

В комнате больного наступали сумерки, последние лучи дневного света пробивались сквозь плотно зашторенные окна. Александра Федоровна скорее чувствовала, чем видела, странно жестикулирующую в полумраке подругу. Полусонная, три ночи не спавшая, она вслушивалась в слова Станы, произносимые так, как говорил Распутин, и у нее создавалось впечатление, что в темноте комнаты вырисовывается высокая суровая фигура мужика с длинными волосами и бородой, с взглядом, полным доброты, приветливости и кротости.

— Ты помнишь, дорогая Аликс, — продолжа-

ла великая княгиня, — что сказал тебе доктор Филипп перед своим отъездом? Он предсказал, что Бог ниспошлет вам с Ники нового друга, который будет вашей опорой! Верь мне, Аликс! Это он будет другом, о котором говорил Филипп! Он спасет для Ники Россию и вылечит тебе сына! Это Бог направил его вам!

Александра Федоровна, не спавшая несколько дней, как будто бы видела нового «друга», выходявшего из угла сумрачной комнаты и подходившего к кровати больного ребенка.

— Он даст здоровье твоему сыну! — повторяла Стана чистым и сильным голосом. — Верь, дорогая Аликс, верь мне и ему...

Было над чем задуматься государыне...

Спустя несколько дней Николай II находился вместе с Александрой Федоровной в своем кабинете. Наступил вечер. Аликс нетерпеливо считала минуты, прислушивалась к каждому шороху, обратив взгляд к дверям, карауля шаги. Неожиданно вскочив, она подбежала к столу мужа, восклицая: «Уже идет!»

Она ошибалась, в коридоре никого не было. Каминные часы пробили девять раз, а страстно ожидаемый гость все еще не пришел. Императрицу охватил страх, смешанный с нетерпением.

И царь нервничал, перебирал деловые записки, письма и доклады, лежащие на своем столе, пытаясь заставить себя прочитать их. В этот вечер работа у него не шла. И хотя Николай Александрович скрывал свое волнение, стараясь не беспокоить

любимую Аликс, длительное ожидание подрывало и его терпение и вносило в душу обеспокоенность. Рассказы темпераментной Станы о талантах Григория Ефимовича произвели и на него, как и на царицу, очень глубокое впечатление. Наверняка отец Григорий был обыкновенным мужиком. Но его естественное и простое поведение, открытый взгляд и мудрые высказывания — со слов Станы — привлекали любого. Николай Александрович встал и дотронулся до плеча своей жены.

— Только, пожалуйста, не переживай, дорогая моя, — тихо и нежно произнес он, — не нервничай, нет смысла.

Николай не успел закончить фразу, как неожиданно распахнулась дверь и в кабинет царя вошел Григорий Ефимович (в царские покои его провели верная Стана и отец Феофан), облаченный в длиннополое пальто черного цвета, больше похожее на старомодный кафтан.

К сожалению, не сохранилось описаний Распутина, данных Николаем II. Обратимся к свидетельствам других очевидцев. «Среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками, — отмечал в своих воспоминаниях Феликс Юсупов, — на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь... Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом... Он казался непринужденным в своих дви-

жениях, и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска...»

«Мое внимание прежде всего обратили его глаза, — вспоминал революционер и исследователь истории раскольников В. Д. Бонч-Бруевич. — Смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался... смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет...» В. Д. Бонч-Бруевич отмечал также манеру Распутина ходить, «немного приседая и сгибаясь, быстро потирая руки».

Портрет Распутина дополняют зарисовки французского посла в России Мориса Полеолога: «Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная густая борода; высокий лоб; широкий выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняно-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных, Взгляд одновременно пронзительный и

ласкающей, наивным и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрочки его как будто заряжаются магнетизмом».

Но вернемся назад в пасмурный ноябрьский вечер, в Царское Село, в кабинет российского императора.

Вслед за Распутиным в кабинет императора вошла нянька наследника Елена Вишнякова. Она по-деревенски скрестила руки на животе, ее широко раскрытые глаза и рот выражали огромное удивление (царская семья не посвятила ее в свои планы). Вишнякова была настолько ошеломлена приходом нежданного гостя, что казалось, даже забыла о присутствии царя и царицы.

Григорий Ефимович повернулся к Вишняковой и, видя ее ошеломление, с насмешкой спросил: «Ну что ты, чего ты так вперилась?»

Напуганная нянька только сейчас осознала свое положение и чуть не упала от страха в обморок. Сгорая от стыда, она пыталась сделать реверанс и поспешно искала выход. Но, видя то, что происходит в комнате, она замерла в дверях как вкопанная. Григорий Ефимович с веселой улыбкой подошел к царской чете и каждого отдельно поцеловал.

В комнатах царевича Алексея как раз готовились к очередной бессонной ночи. Неожиданно Григорий Ефимович в присутствии царицы и Вишняковой тихонько вошел туда. Бледненький Алексей лежал в кровати. Его лицо было перекошено от боли, одна ножка подтянута к животу, он тяжело дышал. Вишнякова подошла к нему и тихо провела

рукой по голове. Мальчик лежал без движения[^] в беспамятстве и только тихо стонал.

Войдя в комнату, Распутин сразу же опустился на колени в углу перед иконой и вполголоса пропел молитву. Закончив, он встал, приблизился к кровати больного, склонился над мальчиком и перекрестил его.

Алеша, неожиданно открыв глаза, устремил взгляд на незнакомого бородатого мужчину, который многозначительно и дружелюбно улыбнулся ему. Вначале мальчик даже испугался, но сразу же почувствовал, что незнакомец не сделает никому ничего плохого, от бородача исходило душевное тепло.

— Только не бойся, Алеша, все будет хорошо! — говорил ему незнакомец своим добрым и в то же время сильным голосом.

Мальчику, у которого был сильный жар, показалось, что к нему обращается какой-то Божий голос.

— Видишь, дорогой Алеша! — продолжал незнакомец, поглаживая мальчика от головы до ног. — У тебя уже нет невыносимой боли! У тебя уже ничего не болит, а завтра ты будешь здоров! Тогда ты увидишь, как мы с тобой будем весело играть!

Несколько осмелевшему мальчику понравилась грубая ласка этих жестких, мозолистых рук. Он улыбнулся.

Незнакомый сильный голос продолжал:

— Когда я был таким же маленьким, как ты, я

играл в очень интересные игры. Ты наверняка не знаешь их. Я покажу тебе! Хочешь?

И Григорий Ефимович рассказывал мальчику о шумных играх, в которые он играл в родном селе с другими крестьянскими детьми. Затем он поведал о необъятных, нехоженных просторах Сибири, о безлюдье заснеженных зауральских пространств. Край, покрытый лесами, и люди, живущие в нем, не похожи на тех, которых наследник российского престола видит в Петербурге или Москве. И весь этот край принадлежит отцу и матери Алексея, и когда-то он будет принадлежать ему, но для этого надо подрасти, выздороветь и быть сильным.

Приятный незнакомец сидел на краю кровати и гладил ребенка по рукам.

— Как только Алеша выздоровеет, заберу его с собой в Сибирь и покажу ему все, что сам когда-то видел, — заверил мужик.

А он, Григорий, все уже видел — и людей, и города, которых никто, кроме него, и не знал.

Со все большим вниманием мальчик слушал эти рассказы, его тело распрямилось, в глазах появился блеск. Он забыл о боли, вытянул ногу и уселся повыше на подушки, чтобы лучше видеть темнородого незнакомца и слышать его неторопливый рассказ.

Молчавшая царица заметила движение ребенка, испугавшись, что Алексей снова может покалечиться, воскликнула:

— Смотри, Алеша, будь осторожен!

Распутин благодарно улыбнулся:

— Вот, Алешенька! Ведь у тебя уже ничего не болит! Скажем маме, чтобы она не беспокоилась. Ничего не случится. Я всегда буду с тобой!

И он продолжал рассказывать о Сибири, а потом перешел на сказки. С огромным вниманием мальчуган слушал сказки о Коньке-горбунке, витязе без ног и витязе без глаз, сестрице Аленушке и братце Иванушке, неверной царевне, которая превратилась в белую утку, об Иване-царевиче и Елене Прекрасной. Говорил Григорий Ефимович и о жизни цветов в далекой Сибири, рассказывал, что каждый цветок и каждое дерево (особенно старое) в лесу имеют душу и разговаривают между собой. И у зверей есть свой особый язык, и он, будучи ребенком, хорошо понимал разговоры лошадей, которые содержались в конюшне его отца.

Было уже поздно, часы пробили полночь, и, улыбнувшись, Распутин произнес:

— Завтра, Алеша, я тебе еще больше расскажу! А теперь спать, спать и сил набираться!

Царица также заверила сына, что добрый незнакомец обязательно придет завтра вечером. Однако Григорию Ефимовичу еще долго пришлось повторять это мальчику, прежде чем тот успокоился и попрощался с Распутиным, пожелав спокойной ночи родителям.

Когда Распутин покидал кабинет императора, царица, до глубины души взволнованная, с благодарностью поцеловала его руку. Распутин перекрестил ее и сказал:

— Верь только в силу моей молитвы, и твой сын будет жить!

Темнота поглотила незнакомца...

Через несколько дней Распутин снова был в комнате у больного Алексея, а еще через неделю наследник поправился.

Но понравиться императорской чете было еще мало, царский двор жил по поговорке: «Жалует царь, да не жалует псарь». Против Григория ополчились его «коллеги по оккультизму», не желающие терять «хлебное место» при царском дворце. Император не знал о возникшем противоборстве среди юродивых, ясновидцев и чудотворцев: конкуренция в их среде была не менее жестокая, чем в царском приближении. Григорию Ефимовичу необходимо было победить несколько грозных противников. Это были ясновидцы и чудотворцы, пытавшиеся отстоять свои позиции при дворе.

Чудотворцев рангом поменьше — юродивых и бесноватых — появление Распутина ввергло в состояние бешенства. У Мити Колябы начались регулярные припадки. Он мычал, вращал культиями и проклинал пришельца на своем языке, понятном только псаломщику Елпидифору. Полусумасшедшая Дарья воспылала к Распутину страстной любовью и постоянно преследовала его крикливыми, навязчивыми и фривольными предложениями, сдабривая их отборной бранью.

Почти одновременно с Григорием Ефимовичем Распутиным в Царском Селе появились два других «блаженных» — босоножка Олег и ясновидящий

инок Мардарий. Однако Григорию Ефимовичу удалось без большого труда устранить этих конкурентов. Предсказания двух последних «пророков» не выдерживали никакой критики.

Несколько иначе обстояло дело с известным в те времена бродягой старцем Василием. Он еще раньше сумел завоевать расположение Распутина, получив в его лице покровителя и защитника от преследований со стороны архимандрита Антония Волынского (имевшего большой вес при дворе российского императора).

Распутин отличался от сомнительных личностей, «босоножек», ясновидящих и предсказателей и тому подобных людей своей изумительной силой воли, поразительными предсказаниями и отсутствием даже намека на какой-то внешний эффект. Он не страдал эпилепсией, не бродил босым по снегу, не был ужасающим инвалидом.

Кроме того, он предсказал каждому из своих «коллег» дальнейшую судьбу. Мите Козельскому он напророчествовал страшную смерть «на отдаленном острове»¹, Дарье — тяжкую болезнь, босоножке Васе — гибель под колесами поезда. При дворе он сразу же зарекомендовал себя как человек, обладающий даром предсказывать события, правда порой облачая свои предсказания в загадочные формы, по примеру древней Пифии. Его ре-

¹ После Октябрьской революции Митя Козельский был послан на Соловки и там расстрелян. Судьба его спутника Елпидифора Кананькина неизвестна.

комендации уже никто и ничто не в силах поколебать.

Григорий Распутин, обращаясь к Александре Федоровне, отмечал, что ей и государю трудно жить, потому что им нельзя никогда узнать правду, так как кругом них все больше льстецы и себялюбцы, которые не могут сказать, что нужно для того, чтобы народу легче стало. Им нужно искать эту правду в самих себе, поддерживая друг друга, а когда и тут они встретят сомнения, то им остается только молиться и просить Бога наставить их и умудрить. Если они поверят этому, то все будет хорошо, так как Бог не может оставить без своей помощи того, кого он поставил на царство, кому вложил в руку власть над народом.

Распутин, этот «сибирский Заратустра», вполне мог показаться им тем человеком, который способен был во времена смуты укрепить дух царя и царицы, поддержать их в упрочении основ русской государственности. И это засвидетельствовал сам Николай II: «Он просто добрый, религиозный, прямодушный русский человек. Когда тревоги или сомнения одолевают меня, я люблю поговорить с ним и неизменно чувствую себя потом спокойно».

Дружба Григория Ефимовича с царем, его супругой и детьми все крепла. В 1906 году персоне Распутина были посвящены три записи в дневнике царя: «18 июля... Вечером были на Сергиевке и видели Григория...

13 октября... в 6 ¹/₄ к нам приехал Григорий, он привез икону Святого Симеона Верхотурского¹, видел детей и поговорил с нами до 7 ¹/₄...

9 декабря... Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории».

«Он часто бывал в царской семье... — вспоминала много лет спустя Вырубова. — На этих беседах присутствовали великие княжны и наследник... Государь и государыня называли Распутина просто — «Григорий», он называл их «папа» и «мама». При встречах они целовались, но ни Николай Александрович, ни Александра Федоровна никогда не целовали у него руки. Их величества всегда говорили о здоровье наследника и о заботах, которые в ту минуту их беспокоили. Когда после часовой беседы с семьей он уходил, он всегда оставлял их величества веселыми, с радостными упованиями и надеждой в душе».

Александра Федоровна относилась к нему с благоговением: в разговоре с ним она называла его «Георгием», а за глаза — «отцом Георгием», в переписке с Николаем — «Другом». В беседах с Вырубовой она говорила о том, что верит в силу его молитвы.

¹ К иконе была приложена записка:
«Царь батюшка!

Прибыв в град сей из Сибири, желал бы поднести Тебе икону Святого Праведника Симеона Верхотурского Чудотворца, столь почитаемого у нас с верою, что Святой Угодник будет хранить Тебя во все дни живота Твоего и споспешествует Тебя в служении Твоем на пользу и радость Твоих верноподданных сынов».

«По словам царицы, он выучил ее верить и молиться Богу; ставил на поклоны, внушал ей спокойствие и сон», — вспоминал Протопопов.

Царю Распутин давал уверенность, особенно в разгар революции, когда царь и царица были напуганы не только захлестнувшим страну террором, но в большей степени проповедью волынского архиепископа Антония о «последних временах».

«А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать, — вспоминал позднее сам Григорий Ефимович. — Все не соглашались. Я на них начал топтать ногою и кричать, чтобы они меня послушались. Первая государыня сдалась, а за нею царь...»

Архимандрит Феофан так описывал этот разговор: «Государь, государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворе. Сидели и беседовали о политическом положении в России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну, что? Где екнуло, здесь али тут?» — при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь, сердце забилося!» — «То-то же, — продолжал старец, — коли что будешь делать для России, спрашивай не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума!».

Распутин дорожил своими отношениями с царской семьей, гордился ими и долго не был уверен в их прочности.

«Не думай... что с царями легко говорить. Нет, трудно, аж губы кровью запекаются, весь съежишься, когда даешь им какой-либо совет...» — воспроизводил его слова Илиодор, он же вспоминал, как Распутин боялся, что «враги... царицу смутят», или как пошла у него кровь горлом, когда он у Александры Федоровны попросил денег для паломников и долго не получал ответа.

Если вначале он охотно рассказывал многим о своей «дружбе с царями», то с годами стал сдержаннее. «Разговоры о том, что он хвастал своей близостью к Царскому Селу, не верны, — показывал журналист Манасевич-Мануйлов о последнем годе жизни Григория Ефимовича. — Наоборот, он скрывал перед малознакомыми людьми... Он говорил о том, что может сделать что-то, добиться того-то, но старался точки над «i» не ставить».

Ольга Александровна, младшая сестра царя, оставила в своем дневнике запись о том, как в один из осенних вечеров 1907 года Николай II спросил, хочет ли она познакомиться с интересным крестьянином «из Сибири», и, получив утвердительный ответ, ввел ее в детскую. Она увидела Распутина в окружении царских детей, уже в ночных рубашках.

«Кажется, он нравился детям, — записывала она, — они чувствовали себя с ним непринужденно. Вспоминаю маленького Алексея, вообразившего себя кроликом и прыгающего по комнате. А затем, совершенно внезапно, Распутин схватил его

за руку и повел в спальню, мы трое последовали за ним. Наступило молчание, словно мы были в церкви. В спальне Алексея не горело ни одной лампы, слабый свет исходил только от лампадки перед чудной иконой. Ребенок, очень спокойно, стоял рядом с гигантом, кивавшим головой. Я поняла, что он молился... Я поняла также, что мой маленький племянник молится вместе с ним. Я не могу описывать это — но я была тогда совершенно уверена в искренности этого человека...»

Хотя на великую княгиню Ольгу Александровну произвели впечатления отношения Распутина с царскими детьми, она подчеркивает свое личное нерасположение к нему: «Я понимала, что оба они — и Ники, и Аликс — надеялись, что мне понравится Распутин. Я была, конечно, под впечатлением от произошедшего в детской. Я приняла во внимание его искренность. Но, к сожалению, я так никогда и не смогла расположиться к нему... из-за его любопытства, безудержного и бестактного. В будуаре Аликс, побеседовав с ней и Ники несколько минут, Распутин ждал, когда подадут чай, и вдруг буквально засыпал меня весьма дерзкими вопросами: счастлива ли я, люблю ли своего мужа? Почему у меня нет детей? У него не было никакого права задавать такие вопросы, поэтому я на них не ответила. Боюсь, что Ники и Аликс чувствовали себя довольно неловко. Помню, какое я чувствовала облегчение, покидая дворец в тот вечер, и, садясь в личный вагон поезда, следовавшего в Санкт-Пе-

тербург, сказала себе: «Славу Богу, он не последовал за мной на станцию».

Эти вопросы, может быть, и были неуместны, но заданы они довольно проникательно. Брак великой княгини Ольги Александровны с психически неуравновешенным князем Петром Ольденбургским был устроен за нее властной матерью, когда ей было девятнадцать, а ему тридцать три года. Брак в самом деле оказался несчастливым и был наконец, после долгих проволочек, расторгнут в 1916 году.

В декабре 1905 года, в самый разгар первой русской революции, у Распутина произошла неприятная встреча еще с одним представителем царской фамилии — великим князем Николаем Николаевичем.

— А фамилия-то у тебя поганая, — заметил чуть ли не с порога великий князь. — Впрочем, и с такой жить можно... Живет же генерал от артиллерии Бордель фон Борделиус — куда гаже? Прости, Господи... А камергер Бардаков постеснялся своей фамилии и с высочайшего соизволения, болван, стал Бурдуковым.

Неожиданно Николай Николаевич осекся. Прямо на него, не мигая и завораживая, в упор глядели потемневшие зрачки старца.

— Ну и глаза у тебя! Смотреть страшно...

— А ты не смотри, — дерзко вымолвил Григорий, — есть храбрецы, что со мной в гляделки хотят поиграть, да потом до первых петухов заснуть не могут.

Великий князь не знал, что ответить.

— А я человек махонький, как блоха, — неожиданно переключился на другую тему Григорий, — потому и грехи мои крохотны. А ты вот большой, чудила, и грехов твоих на трех возах не увезешь... Дело ли мужицкие посева топтать? Бес тебя попутал... точно, он! Ежели бы вы, великие-развеликие, эдак-то не резвились на шее мужика своего, так, может, и революций не стало бы. А теперь хлебай ее, как кисель, полной ложкой!

Эти резкие, хлесткие фразы, столь необычные для великосветской среды, осадили великого князя, остудили его горячую голову.

— А ты фрукт еще тот! — произнес Николай Николаевич, явно пораженный и недовольный разговором с резковатым гостем.

Расстались они врагами, и Николай Николаевич всегда жалел, что не ограничил «влияние этого отвратительного старикашки на Николашу», то есть на Николая II. И Распутин не остался в долгу:

— Он, эта жердь, думает, что он пуп земли... Хе-хе... Придет время, лишится всего — и постов, и власти, и богатств... А кто лишит, я спрашиваю, да сам папа. (Предсказание сбылось. Николай Александрович сместил его с поста верховного главнокомандующего, когда для всех в России стало ясным, что великий князь занимает «не свое место». А русские революции 1917 года лишили его всего остального: богатств, почета.)

Важнее, чем сказки, молитвы и игры, была способность Распутина помогать мальчику при крово-

течениях. Доподлинно известно еще о нескольких подобных случаях...

Ранней осенью 1912 года царская семья, как обычно, выехала в окрестности Гродно, в Беловежскую Пущу (местечко Спала), где царь любил охотиться на могучих зубров. В этих безлюдных и тихих местах и произошло новое несчастье. Во время возвращения с прогулки по озеру на лодке цесаревич неожиданно резво спрыгнул на берег, но при этом ударился коленкой о камень, и у него началось внутреннее кровотечение.

После того как Алексей слегка поправился, царица взяла его на прогулку, наследнику неожиданно сделалось дурно, вновь носом пошла кровь, он упал, потеряв сознание. Тряска прогулочной коляски причиняла ему невыносимые боли, и его, почти полуживого, на руках внесли во дворец.

Помимо сильного ушиба ноги врачи обнаружили опухоль в паху и горячку. Алексей непрерывно стонал и не давал себя обследовать. Любое прикосновение к пораженным местам причиняло ему невыносимую боль. Состояние больного постоянно ухудшалось, и врачи готовились к самому плохому. Признаки заражения крови грозили серьезными осложнениями.

К больному ребенку срочно прибыли вызванные из Петербурга лейб-медик Е. С. Боткин и лейб-педиатр А. Н. Раухфус. Через день температура у Алексея подскочила до 39,8°. Доктор Боткин, не спавший уже третью ночь подряд, передал импера-

тору записку: «Надежды на выздоровление практически нет».

В эти дни по всей России шли богослужения, во время которых молились за здоровье наследника, а родители Алексея постоянно находились в комнате больного мальчика. Императрица, успокаивая ребенка, заговорила о Григории Ефимовиче. Воспоминания о первых встречах со странником так сильно подействовали на мальчика, что он потребовал, чтобы Распутин пришел к нему. Вечером самочувствие цесаревича еще более ухудшилось. Тогда царица втайне от врачей и придворных попросила свою подругу Анну Вырубову послать в Покровское телеграмму с просьбой о том, чтобы Распутин молился за здоровье больного цесаревича.

Дочь Распутина, Матрена, вспоминала, что отец получил телеграмму в тот же день, в полдень. Он, сидел в кругу семьи за столом. Дочь прочла ему: «Врачи отчаянии. Единственная надежда Ваши молитвы».

Немедля Григорий Ефимович встал, прошел залу, где висели самые почитаемые иконы, и велел Матрене следовать за ним.

— Голубка моя, надо совершить очень важное таинство. Пусть это удастся... Ничего не бойся и не разрешай никому сюда входить... Если хочешь, то можешь остаться, но молчи и не мешай. Молись молча, про себя...

Бросившись перед иконами на колени, Григорий Ефимович прокричал: «Излечи сына Алексея, если

это в твоей власти, Господи. Отдай ему мои силы, Господи, пусть они помогут ему вылечиться!» В этот момент лицо его начинает светиться, он не чувствует себя, обильный пот заливал лоб, щеки и шею. Он задыхается от невероятных усилий, его как будто выворачивает изнутри. Секунда, другая, и он падает как подкошенный. Подтянул ногу к животу, другая выпрямлена, совсем как у царевича...

«Как будто он испытал агонию, — вспоминала Матрена. — Я думала, он умирает. Не знаю, сколько прошло времени, когда он открыл глаза и улыбнулся. Я дала ему остывшего чая, и он выпил с жадностью. Через какое-то время он стал прежним».

Теперь он — Распутин — был уверен в благополучном исходе приступа болезни у царевича Алексея. Мышечные конвульсии, которые Григорий Ефимович испытал во время таинства (по его же объяснению), это были приступы боли у царевича Алексея. Он освободил от них ребенка, взяв на себя его боль по воле Божьей. Так действует шаман, избавляя страдальца от физических и душевных мук. Он меняется местами с больным, забирая на себя физические и душевные страдания, сбрасывая их и после мгновенно «возвращаясь» назад в свою «оболочку».

Распутин, владея этими навыками, сам стал, по сути дела, шаманом (колдуном), провидцем, способным мыслью даже провести суда (он проводил лодки по родной Туре), которым грозила опасность. Это, казалось бы, примитивное колдовство

научило его разбираться в возможностях и способностях разума больше, чем нравоучения священников, которые он заставлял себя ранее слушать.

Он знал, как быть везде, как повсюду успеть. Находясь в Покровском, в своем доме, с семьей, он тем не менее был сейчас в далекой Спале, у изголовья маленького больного. Он чувствовал его каждой мышцей, каждым нервом, каждым волоском, всем своим большим и крепким телом. Закончив таинство, вмещающее в себя молитву и изгнание дьявола, колдовство и разговор с душами умерших, он отправился вместе с Матреной на почту, послать депешу в Спалу — «матушке».

В ту же ночь из Покровского в Спалу пришел ответ, который полностью успокоил императрицу.

На следующее утро все придворные собрались в салоне, заботливо спрашивая о самочувствии цесаревича. С какой-то особой улыбкой на лице царица отвечала, что, хотя врачи не говорят об улучшении, она спокойна, так как получила телеграмму от Григория Ефимовича. Затем она зачитала текст телеграммы:

«Бог услышал твои молитвы и рыдания. Не грусти. Твой сын будет жить. Болезнь не такая уж страшная. Пусть только врачи не трогают его. Не давай врачам изгаляться.

Григорий».

Воцарилась полная тишина. Обведя всех несколько надменным и самодовольным взглядом, царица поспешно удалилась в комнату больного и

показала ему телеграмму от старца. Мальчик страшно обрадовался распутинской депеше и тому, что Григорий Ефимович предрек ему улучшение самочувствия, и сразу же успокоился.

Через несколько часов жар спал и боли исчезли. После очередного обследования врачи сообщили, что опухоль в паху рассосалась и опасность миновала. К своему заключению они присовокупили еще один абзац о том, что в тех случаях, когда медицина бессильна, природа сама себе помогает.

Императрица же считала, что только благодаря молитвам. Распутина ее любимый Алешенька выжил. Впервые за долгое время она спокойно проводила время в обществе супруга и верной Анны Вырубовой. Жизнь в Спале вернулась в привычную колею: императрица занималась детьми и чтением религиозной литературы, а император охотился на зубров.

Прошло несколько лет, и Распутин вновь спас Алексея от очередного несчастья.

Шел 1914 год... Русская армия обливалась кровью в Мазурских болотах и в Галиции, и император почти постоянно находился в ставке — сначала в Барановичах, а позднее — в Могилеве. Однажды он рискнул взять наследника с собой, хотя Распутин был категорически против.

Царский поезд тихо двинулся, отрываясь от перрона, и, набирая скорость, пошел на юго-запад в сторону Могилева. Царевич стоял у окна, прислонившись лицом к стеклу. За окном все было таким интересным, мимо пробежали деревушки, не-

большие городки, на некоторых станциях, где поезд делал остановку для дозаправки топливом, их величеств встречали почетные караулы и знатные горожане — с хлебом и солью. Неожиданно из-за тряски у него пошла кровь из носа. Для больных гемофилией малейшее кровотечение опасно. Попытки личного врача остановить кровь ни к чему не привели. Потребовалось перегнать царский поезд обратно в Царское Село, куда наследник был доставлен уже очень ослабленным.

«С огромными предостережениями перенесли его из поезда, — описывала этот случай Анна Вырубова. — Я видела его, когда он лежал в детской: маленькое восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Врачи возились около него, но кровь не унималась. Один из медиков предлагал использовать последнее средство — это достать какую-то «железу из морских свинок».

Императрица стояла на коленях около кровати, проклиная тот день и час, когда она не прислушалась к советам Друга и разрешила императору взять сына в столь опасное для него путешествие. Через несколько минут, видимо сообразив, что надо все-таки что-то делать, Александра Федоровна сейчас же послала Анну Вырубову к Распутину.

Он вскоре прибыл во дворец, подошел к кровати Алексея, перекрестил больного, помолился перед иконами, что-то прошептал себе под нос, потом, грозно взглянув на вызванных из Петербурга врачей, успокоил всех утверждением, что и на сей раз Бог сохранит жизнь царевичу.

Мальчик, как только увидел приближающегося к кровати Григория Ефимовича, сразу же успокоился. Он стал ровнее дышать, бледность исчезла, и вскоре он заснул крепким сном. А через несколько часов состояние его здоровья значительно улучшилось, жар спал и кровотечение остановилось. Распутин вернулся домой в отличном настроении.

«Я видела этот чудесный результат собственными глазами не один раз, — вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, — я также знала, что это признают его (Алексея. — В. Т.) лечащие врачи. Профессор Федоров, выдающийся специалист, пациентом которого был Алексей, не раз говорил мне это, вместе с тем все врачи крайне не любили Распутина».

Фрейлина Е. Н. Оболенская, удаленная от двора из-за нападков на Григория Распутина, рассказывала, как она «присутствовала однажды при разговоре врачей во время одного из наиболее сильных припадков гемофилии, когда они были бессильны остановить кровотечение. Пришел Распутин, пробыл некоторое время у постели больного, и кровь остановилась».

Вырубова вспоминала, как в начале 1916 года ни лейб-хирург Сергей Петрович Федоров, ни другие известные всей России доктора не могли во время нового приступа остановить кровь — и вновь императрица послала за Распутиным.

«Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, произ-

нес: «Пока я с тобой, ничего не случится», сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось».

Профессор Федоров писал своему коллеге в Париж: «...Как врач объяснить это не могу, но как свидетель констатирую — кровотечение остановлено!».

Джанумова оставила свидетельство о другом случае, когда при ней Распутину позвонили из Царского Села и сообщили о плохом самочувствии царевича.

— Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону... Ты что, Алешенька, полуночи-чаешь?

— Болит...

— Болит? Ничего не болит. Иди сейчас ложись... Лег?

— Лег.

— Ушко не болит? Так... Не болит, говорю тебе. Слышишь? Спи, сынок, спи...

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алеши ухо больше не болит. Он спокойно заснул. Григорий Ефимович вернулся к гостям.

В мае 1916 года Григорий Распутин заверил Александру Федоровну, что, когда Алексею исполнится двенадцать лет, его здоровье начнет улучшаться...

И в самом деле, вторая половина 1916 года не была отмечена какими-либо серьезными ухудшениями здоровья наследника, Алексей стал поправ-

ляться. Подобный факт отмечали лечащие врачи. Его страшная болезнь все более отступала, и к 1917 году он выглядел лучше. Он ничуть не походил на страдавших от той же ужасной болезни детей сестры императрицы принцессы Ирины, супруги принца Генриха Прусского.

Но последний период жизни Алексея Николаевича, с марта 1917-го по лето 1918 года, оказался одним из самых худших, с повторяющимися приступами гемофилии, вызванными кровотечениями. Дошло до того, что самостоятельно он уже не передвигался, а отец или мать вывозили его на прогулку в инвалидной коляске.

«Теперь и лечат меня, и молятся, а пользы нет, — говорил сам наследник, когда Распутин не стало. — А он, бывало, придет, принесет мне яблоко, погладит меня по больному месту, и мне сразу становится легче».

И снова вернемся в 1905 год... По аллеям царскосельского парка шныряли казачьи разъезды, царский дворец томился в тревогах и ожиданиях чего-то ужасного. Обитатели императорских покоев успокаивались лишь с появлением Распутина. Но и он зачастую дополнял беспокойство новыми штрихами.

— Стой! — воскликнул он, едва переступив порог, и вдруг начал удивительно ловко метаться по комнатам среди мебели.

Царская чета онемела, наблюдая за ним. Григорий Ефимович приблизился к императору и императрице и произнес на одном дыхании:

— А ну, мама, покажь, где сынок твой играет. Его провели в «игральную» комнату Алексея — большой и светлый зал, в котором размещался огромный арсенал всевозможных игрушек, а под потолком висела массивная хрустальная люстра.

Распутин лишь мельком взглянул на комнату:

— Скажи своим, чтобы Алешеньку в эту комнату не пущали. Как бы греха какого не вышло. А ты, папа, мне верь. Я так вижу.

Зал тут же опечатали. Через несколько дней дворец потряс страшный грохот — с потолка «игральной» комнаты сорвалась люстра. При ударе об пол ее разнесло вдребезги...

Об этом случае ходили противоречивые слухи, одни говаривали, что это покушение, которое готовили против наследника престола эсеры. Другие утверждали, что падение люстры — это результат деформаций строений в Царском Селе. Народная молва способна была порождать самые невероятные версии, но факт оставался фактом: Распутин спас Алексея от неминуемой гибели.

Нет никаких прямых свидетельств, что Распутин преувеличивал свой дар, скорее наоборот. Например, он саморучно (как правило, под его диктовку писала старшая дочь, рано обучившаяся грамоте) писал царице на ее запрос о помощи:

«Милая дорогая мама! Тилиграмму получил. Не грусти, молись, молись Богу не по грехам, а по молитвам. Веруй — и наследник будет здоров. А я молюсь неустанно, но что могу? И никто как Бог,

человеку не дано. Спасение в Боге... Без Бога и шагу не ступишь... А увидишь ты Бога тогда, когда ничего вокруг себя не будешь видеть... Поэтому и зло, потому и грех, что все заслоняет Бога, и ты его не видишь. И комната, в которой ты сидишь, и дело, какое ты делаешь, и люди, какими окружен, — все это заслоняет от тебя Бога, потому что ты и живешь не по-Божьему, и думаешь не по-Божьему. Значит, что-то да нужно сделать, чтобы хотя увидеть Бога...».

Его проповеди Александра Федоровна старалась заучить наизусть. Этого же требовала и от детей.

Высший свет

Удел великого —
Восстание и война!
В купели огненной,
в крови и преступлень.
Опять — который раз! —
Россия крещена.

Е. Раич

Революция 1905—1907 годов потрясла многовековые устои и иерархию ценностей Российской империи, ничего подобного русское общество еще не видело. Дабы укрепить пошатнувшееся самодержавие в России, Николай II искал человека, на которого можно было бы положиться, который бы «огнем и мечом» прошелся по мятежным российским губерниям.

Сначала на данную роль претендовал Сергей Юльевич Витте, назначенный в ноябре 1905 года на пост премьер-министра. Ему удалось сконцентрировать все силы на подавлении вооруженно-

го мятежа в Москве, но он не смог смириться с конституционными основами, насаждаемыми в кровь и плоть России, и ушел в отставку весной 1906 года.

Бывший председатель Совета министров граф Сергей Юльевич Витте, знавший Распутина лично, был самого высокого мнения о его нравственных качествах и интеллекте, пророческом даре и знании жизни. По его мнению, Григорий Распутин был своего рода «сверхчеловеком», «силой природы», которую нельзя мерить обыкновенной меркой холодного рассудка. «Здесь необходимы другие подходы», — любил повторять он. (Впрочем, Витте, как искусный политик, никогда не поддавался соблазну доверять кому-либо полностью и без остатка. Помнил он и слова, сказанные ему бароном Ротшильдом в частной беседе еще в 1902 году: «История показывает, что предвестником крупных событий, в особенности событий внутренних, всегда является водворение при дворах правителей странного мистицизма».)

Между Распутиным и Витте было и что-то «общее»: в 1887 году молоденький и скромнейший инженер-путеец Сережа Витте предсказал катастрофу царского поезда на юге России — в Борках.

В 1909 году между ними произошла длительная беседа, о которой сам Витте писал так: «Распутин предложил тогда в беседе со мною очень оригинальные и интересные взгляды; так, например, он сказал, что толпа вечно ждет чуда. А между тем она совершенно не замечает величайшего из чудес,

ежечасно совершающегося на наших глазах, — рождения человека.

Все, что Распутин говорил, он сам передумал и перечувствовал. Я сказал ему тогда:

— Послушай, Распутин, зачем ты, собственно, ко мне пришел? Если об этом узнают, то скажут, что я через тебя ищу сближения с влиятельными салонами; а тебе скажут, что ты поддерживаешь сношение с вредным человеком.

— Ты прав, братец, — кивнул ему в ответ Григорий Ефимович. И, секунду помедлив, закончил свою мысль: — Вся эта политика вредна... вредна политика... Понимаешь? Все эти Пуришкевичи¹, Дубровины² беса тешат, бесу служат. Служи народу... Вот тебе и политика. ...А прочее — от лукавого... Понимаешь, от лукавого...

Место С. Ю. Витте у руля государства занял Петр Аркадьевич Столыпин — человек несомненно огромного ума и, к сожалению, не раскрытых до конца талантов, но в то же время жесткий (даже более того, жестокий), способный силой заставить подчиненных выполнить поставленную им задачу.

Распутин слышал о назначении Столыпина и

¹ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870 — 1920) — один из основателей и лидеров черносотенных объединений и союзов.

² Дубровин Александр Иванович (1855 — 1921) — основатель и председатель «Союза русского народа», одной из самых черносотенных организаций в России.

даже видел его мельком в Царском Селе, когда тот возвращался с доклада императору.

— Тяжелый человек, — делился Григорий Ефимович своими впечатлениями с Вырубовой, — и злой, судьба его не пожалует.

— А ты помолись за него, — попросила Вырубова.

— Молитва ему не поможет...

— Не поможет?

— Нет... Только горе большое его душу поколебать сможет, но будет ли от этого толк?

— Господи, прости, — Вырубова грустно вздохнула.

8 июля 1906 года в Петербурге и губернии вместо уже существующего положения об усиленной охране было введено положение о чрезвычайной ситуации. Полиция произвела десятки арестов, сотни обысков, закрывала типографии, распускала профессиональные союзы, накладывала арест на тиражи газет и книг. Именно тогда в обиход вошли определения «столыпинский галстук» — веревочная петля на виселице и «столыпинский вагон» — железнодорожный вагон, предназначенный для перевозки заключенных.

Ответ «смутьянов» не заставил себя долго ждать. 12 августа в три часа пополудни у дачи премьер-министра на Аптекарском острове остановилась коляска, в которой пристроились трое неизвестных. «Жандармский генерал» остался в коляске, внимательно наблюдая за обстановкой, «рот-мистр» подошел к крыльцу, стремясь никого боль-

ше не допустить в помещение, а штатский вошел в дом — и почти тут же последовал взрыв.

Когда дым рассеялся, перед глазами сбежавшихся на взрыв зевак предстало ужасное зрелище: выходящие в сад стены дома рассыпались по кирпичику. Возле полуразрушенного крыльца дачи в страшных мучениях умирали лошади, из хаоса стропил и балок, среди кирпичей и обломков мебели виднелись руки и ноги придавленных рухнувшими стенами людей. Тихо капала кровь. Кричали и стонали из развалин умирающие.

Находившийся в приемной офицер лейб-гвардии Преображенского полка не слышал взрыва, но вдруг увидел, как его собеседнику снесло голову.

Всего было убито двадцать семь человек, тридцать два — тяжело ранены, двое из них скончались в ближайшие дни. Террорист в штатском погиб от взрыва, двое других — «ротмистр» и «жандармский генерал» — скончались от страшных ран уже в госпитале. У маленького сына Столыпина было сломано бедро, у дочери раздроблены обе ноги. Когда солдаты откопали ее из-под досок и мусора, она спросила: «Это что, сон?»

— Мои бедные, бедные дети, мои бедные дети! — повторял Столыпин, сам не получивший ни одной царапины. У постели покалеченной дочери несчастный отец, по рекомендации Николая II, пригласил помолиться срочно вызванного из Покровского Григория Распутина. Григорий Ефимович ушел лишь под утро: «Ничего, ничего, все будет хорошо». Сын Столыпина вскоре поправился

и дожил до преклонных лет, дочь осталась жива, но, лишившись обеих ног, навсегда осталась калеккой.

В тот же день, когда на воздух взлетела дача Столыпина, Николай II получил от Григория короткую телеграмму:

«Зело страшный месяц, август. Берегись. Дом свой береги, маму, детей. Христос с тобой».

Россию преследовал рок: 13 августа на перроне в Петергофе был застрелен генерал Мин, подавлявший вспыхнувшие в декабре прошедшего года московские беспорядки; 14 августа взорвали бомбой варшавского губернатора, который, опираясь на военную силу, остудил чересчур горячие головы. Чиновников рангом поменьше, офицеров, солдат и полицейских, сраженных пулями и осколками бомб террористов, никто не считал.

Почерневший от горя, потерявший сон и аппетит, но не сломленный духовно, российский премьер не отступил ни на шаг: военно-полевые суды не знали пощады, смертные приговоры в последний летний месяц 1906 года сыпались как из рога изобилия.

Пока революция была сильна, Николай II держался за сильных личностей, способных обуздать революционный беспредел, например за Столыпина. Но между властным и напористым министром и мягким и коварным самодержцем — их сравни-

вали в то время с Борисом Годуновым и царем Федором Ивановичем — рано или поздно должен был произойти разрыв. И дело было не только в разности характеров: царь более всего хотел восстановления неограниченного самодержавия, реформизм Столыпина, хотя он и говорил обратное, вел к дальнейшему постепенному ограничению властных полномочий российского императора.

— Григорий, мне Столыпин не нравится своей наглостью. Как быть? — даже как-то пожаловался Николай Александрович.

— А ты испугай его простотою... — ответил решивший, видимо, пошутить Распутин. — Надень самую простую русскую рубашку и выйди к нему, когда он явится к тебе с особенно важным докладом.

Царь, восприняв совет Григория Ефимовича всерьез, так и сделал: на одной из аудиенций к ждавшему его Столыпину Николай II вышел как «какой-то веселый, разбитной малый в малиновой рубашке» и на недоуменный взгляд премьера пояснил, наученный Распутиным: «Сам Бог в простоте обитает». Как Распутин рассказывал Илиодору, от этих слов «Столыпин язык прикусил».

Киев, конец августа 1911 года. В Киеве готовились к приезду царя на открытие памятника Александру II. 25 августа прибыл Столыпин, а 29-го числа — царь с семьей. Проезжая по центральной улице, Александра Федоровна в первых рядах кричавшей «ура» толпы увидела Распутина.

«Государыня Григория Ефимовича узнала, кив-

нула ему... А он ее перекрестил», — рассказывал впоследствии член «Союза русского народа», которому было поручено скрытно «опекать» Распутина. Но когда появился экипаж Столыпина, «Григорий Ефимович вдруг затрясся весь... Смерть за ним!.. Смерть за ним едет...»

Неясные слухи о возможном покушении ходили по городу еще до приезда царя, царской семьи и Столыпина. За два дня до начала торжеств к начальнику Киевского охранного отделения полковнику Н. Н. Кулябко неожиданно явился молодой человек, бывший под кличкой Аленский секретным сотрудником среди «анархистов-коммунистов». Ему якобы случайно стало известно о предстоящем приезде в Киев двух членов партии эсеров, мужчины и женщины, для убийства премьера Столыпина. Кулябко тут же пригласил в кабинет своего шурина — полковника Спиридовича, состоявшего в распоряжении дворцового коменданта и отвечающего за безопасность императорской семьи, а также вице-директора департамента полиции Веригина.

После короткого совещания они договорились, что, как только террористы приедут, Аленский тут же даст знать. Курлов — товарищ (заместитель) министра внутренних дел — принял дополнительные меры по охране царя, игнорируя не любимого им Столыпина, хотя по службе доложил ему о сообщении Аденского.

31 августа Аленский дал знать, что «организация» прибыла в Киев и мужчина остановился у

него: за квартирой было установлено наружное наблюдение. В тот же вечер Аленский — для опознания террористов и на случай экстренной встречи — получил от Кулябко билет в купеческий сад на концерт в присутствии царя, а 1 сентября — в городской театр, где назначен был парадный спектакль.

В перерыве между вторым и третьим актами пьесы «Жизнь за царя» Николай II с дочерьми Ольгой и Татьяной вышли из ложи и вдруг «услышали два звука, похожие на стук падающего предмета, — писал император через девять дней матери, — я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу».

Но это был не бинокль. Несколько секунд назад к стоявшему возле оркестровой ямы лицом к залу Петру Аркадьевичу Столыпину подошел молодой человек во фраке и, выхватив браунинг, дважды выстрелил.

«Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, — продолжал Николай II, подчеркивая разницу между «людьми» и «офицерами», — несколько дам кричали, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой. Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь... В коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей; по моему, к сожалению, полиция отбила его от публики».

Убийцей оказался киевлянин, помощник присяжного поверенного Дмитрий Богров, он же Аленский, донесший на мифических террористов. 5 сентября Столыпин скончался, 9-го состоялся военный суд, и 12-го Богров был повешен.

Предсказание Григория Распутина сбылось, Столыпин погиб... Но старец не только вещал о страшной гибели премьера, но и мог предсказать о положительном исходе того или иного политического кризиса. Он охотно и компетентно высказывал свое мнение по самым заковыристым вопросам современности. И его предположения и пророчества в большинстве случаев попадали в самую точку.

Так, осенью 1913 года в Киеве во время процесса над молодым евреем Менделем Бейлисом, арестованным два года назад по обвинению в соучастии в ритуальном преступлении в отношении православного ребенка, Распутин неоднократно предсказывал самодержцу полную несостоятельность обвинения, умышленно раздуваемого антисемитами во главе с министром юстиции Щегловитовым и будущим министром внутренних дел Маклаковым. Действительно, перед судом присяжных, состоявшим в основном из крестьян, обвинения в том, что евреи во время своих тайных обрядов использовали православную кровь, было наголову разбиты защитой, а Бейлис оправдан.

27 апреля 1906 года в Петербурге в Таврическом дворце начала свою деятельность Первая Государственная дума. Казалось, все общество, возбужденное невиданным ранее органом власти, об-

ратило свои взоры к депутатам, избранным самим народом. Однако нашлись и те, кто отнесся к Думе достаточно осторожно. Распутин не сразу высказался по поводу думцев, он присматривался к «народным избранникам» (попросив Вырубову объяснить, кто есть кто и кто какую партию представляет), побывал он и в Таврическом дворце, послушал выступления С. А. Муромцева — председателя Думы. Уже через месяц после того, как политическая эйфория испарилась, он произнес, обращаясь к графине Игнатъевой:

— Эх, матушка, понабрали говорунов, а почто, почто, я вас спрашиваю... Что они могут? Дом построить, лошадку запрячь, рожь от овса отличить, Не-е-ет... Да как же они о жизни нашей судить берутся?

— Нет, Григорий Ефимович, — возразил присутствовавший здесь же журналист Г. П. Сазонов, — вы не правы. Страной должны управлять профессионалы, те, кто в законах сведущ, кто дело свое имеет, кто, наконец, рубль заработать умеет.

— Не прав, говоришь, — Распутин прищурился, глядя в упор на Сазонова, — может быть, может быть. Но я не политик, а крошка малая, так рассуждаю. Кто на земле сидит, кто кормит, тот и решает, тот и суд вершит, тот и о законах должен первым сказать... А так... я думаю, Дума ента долго не проживет. Дай Бог, этим летом падет. (Первая Государственная дума была распущена в июле того же 1906 года.)

Депутаты Второй, Третьей и Четвертой Дум не жаловали Распутина (к тому времени о Григории Ефимовиче в России не знал разве что ленивый), поскольку он при каждом удобном случае — и устно, и в газетах, которые печатали его многочисленные интервью, — характеризовал депутатов не иначе как говорунами и с точностью почти до месяца указывал, когда та или иная Дума будет распущена. А председателю Второй Госдумы Федору Головину он предрек мученическую смерть, «когда брат пойдет на брата». (Головина, оставшегося в Советской России, поглотила волна репрессий конца тридцатых годов.)

Столкновения думцев с императором и премьер-министром вызывали у Распутина раздражение:

— Не трать ты силы, папа, не трать. Ты их переживешь, правду говорю.

(Последнее заседание последней Государственной думы произошло в конце февраля 1917-го. После образования Временного правительства необходимость в Думе отпала, так как вопрос о власти был решен.)

— Они, как пауки, друг друга топчут, — заметил Григорий Ефимович, послушав стенограммы баталий, развернувшихся в Таврическом дворце вокруг аграрного закона, принятого летом 1910 года. — А того не знают, что мужик-то его не поймет, кровь пускать будет, но своих кусков не отдаст, чего бы ему ни сулили.

И зря они мужика травят, — сокрушался Распутин, — то в общину его, бедолагу, гонят, то из

общины. Прости, Господи... Да пусть Ванька-то наш сам решит, чего он хочет. А то ведь сметет он все на своей дороженьке: и правого и виноватого... Аль мало он усадеб пожег, голов поотрывал, мало?

Председатель Четвертой — последней — Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко считал Распутина своим личным врагом и делал все, чтобы не допустить Григория Ефимовича к царской семье, к императору.

— Дурак, — произнес, усмехаясь, Распутин, — о себе бы подумал. Не любят же его, ох не любят... Лучше бы о старости своей подумал, деньжат на черный день подзаработал. Ведь умрет без гроша в кармане...

(Родзянко умрет в эмиграции, в страшной бедности, подвергаемый нападкам и усмешкам левых и правых, монархистов и социалистов. Кто помнит сейчас о Родзянко?)

Квартиру Распутина, расположенную в доме 64 по улице Гороховой (почти в центре Петербурга), посещали не только дамы бальзаковского возраста, стремившиеся хотя бы прикоснуться к старцу или услышать его речь, но и государственные мужи, «отягощенные думой о делах наиважнейших»... Политики и сановники всевозможных рангов заезжали к нему не без скрытого интереса и умысла: одни — чтобы уяснить для себя, что есть распутинский феномен, вторые — с желанием постараться свести Распутина как влиятельную силу на нет, третьи — стремясь заполучить старца в качестве своего союзника, четвертые — рассчитывая,

видимо, в мемуарах своих на старости лет упомянуть сей случай в назидание потомкам...

Беседы хозяина и гостей — ожидаемых с нетерпением и неожиданных — затягивались порой далеко за полночь. Говорили обо всем — о большой политике, об императорской фамилии или о житейских проблемах, о болезнях детей или о ценах на хлеб, вспоминали старые времена или обсуждали последние выборы в Государственную думу. К концу беседы Распутин мог неожиданно огоршить собеседника «милым» (по его же выражению) предсказанием судьбы.

Павел Николаевич Милюков — лицо как у моржа, седая щетинка усов, колючий взгляд — не воспринимал Распутина всерьез и, лишь поддавшись уговорам своего думского коллеги, решил взглянуть на столичную знаменитость и удостоить своим визитом старца. Всю пятнадцатиминутную аудиенцию, просидев в углу большой комнаты, Павел Николаевич не проронил ни слова, бросая скептические взгляды в сторону Григория Ефимовича и его собеседников.

Распутин в долгу не остался:

— Смелый ты человек, Паша... Смелый и крепкий. Не из Сибири, случаем, а? Жить тебе до второго пришествия... Поверь... Но детям твоим отвечать за грехи твои... Поверь... Бог тебя сохрани. Аминь.

Милюков, скривив в ухмылке пухлые губы, не прощаясь, по-английски, вышел.

Сын Милюкова Сергей сгинул в окопах первой

мировой войны. Дочь Наталья — его любимица, оставшись из-за больного мужа в большевистской России, сгорела от тифа, едва перешагнув двадцатилетний рубеж. Лишь старший сын, Николай, пережил отца, отдав ему последний сыновний долг, захоронив прах Павла Николаевича в семейном склепе.

Василий Витальевич Шульгин, человек храбрый и честный, но не без фантастических замашек, решив оградить Распутина от влияния «темных сил», заявился к Григорию Ефимовичу с утра пораньше и, вытянув из-под подклада своего модного макинтоша десятка полтора листов — план спасения России, изготовился произнести политический спич. Но Распутин остановил его своим характерным жестом: ладонью вперед, как бы «защищаясь» от своего собеседника:

— Милай, ты не шуми. Мы люди темные, политике не обучены. Но и о Расее тоже радеем.

Шульгин поперхнулся: старец как будто читал его мысли.

— Молчи, милай, молчи, — повторил Распутин. — Вот, чайку испей с вареньицем. Доброе оно, брусничное. Баба моя, жонка, значит, собирала.

Шульгин, опешивший от столь неожиданной встречи — ну как же, златоуста отвергли, — послушно принял поданный прислугой граненый стакан, уютно уместившийся в тяжелом серебряном подстаканнике.

— Вот вы, господа столичные, — отхлебнув

кипятка, продолжил свой монолог Распутин, — все знаете, все умеете. (Шульгин отрицательно покачал головой.) Не спорь!.. Одного только не знаете, что ждет мужика, не можете предсказать, чем обернутся для него ваши шахер-махеры.

Секунда молчания.

— Да что мужик! Вы, молодцы, о себе-то ничего не знаете! Вот ты... (Шульгин напрягся.) Как, говоришь, тебя зовут? Василий Витальевич... Хорошо... Вижу, Вася, что по делам тебе и воздастся. Жизнь твоя, что горный ручей, течь будет извиристо: меж камней и корней. Испытаешь много, много найдешь, но и потеряешь немало. Отцовской избы долго не увидишь, силой вернут тебя на родную сторонку, здесь и умрешь. Будут имя твое всеу вспоминать, но... зерна от плевел все же отделят, и вернется к тебе все утраченное.

Шульгин, забыв про чай и свои «прожекты», вперившись взглядом в Распутина, не смел произнести ни слова.

Шульгин прожил девяносто восемь лет (своеобразный рекорд для российских политиков), но до конца дней своих сохранил ясность ума. На его долю пришлось столько событий, что хватило бы на несколько приключенческих романов. Он принял документ об отречении императора от престола, хлебнул лиха в годы гражданской войны, эмигрировав, тайно посетил большевистскую Россию и выпустил несколько книг о своих нелегальных путешествиях. В 1945 году чекисты арестовали его, уже достаточно пожилого человека, в Югославии

и на долгие десять лет отправили «валить лес» в мордовские лагеря. Остаток дней своих он посвятил мемуарам, но воспоминания его были опубликованы лишь через два десятка лет после смерти.

Александр Дмитриевич Протопопов — юркий и шустрый, как ирландский сеттер, — крутился вокруг Распутина беспрестанно, всем своим видом давая понять, что кровно заинтересован в дружбе со старцем. Григорий Ефимович не чурался общества Протопопова, как, впрочем, и знакомств с другими личностями, которые при всем своем желании не могли скрыть стремления использовать дружбу с Распутиным в своих корыстных целях. С Протопоповым Григорий общался еще и потому, что чувствовал в нем неординарную личность: в его противоречивой натуре переплелись взаимоисключающие мотивы — смелость и нерешительность, доброта и жестокость, верность и патологическая подозрительность.

И Протопопова Григорий Ефимович не обошел своим вниманием: практически при каждой встрече он пророчески предвещал ему то служебные неурядицы (в министерстве внутренних дел), то семейные дразги (скандалы, устраиваемые женой, уже стали притчей во языцех для многочисленной протопоповской родни), то тяжелые душевные срывы (Протопопов неоднократно посещал частную клинику тибетского целителя Жамсарана Бадмаева). Распутин своим умом дошел до понимания двойственности натуры Протопопова; тот то требовал от старца протекции в царской семье, то в открытую

рассуждал о необходимости «ограничить влияние Григория на императорскую фамилию». Подобная игра в двойные стандарты долго продолжаться не могла. Распутин поставил точку в отношениях с неблагодарным министром и политиком решительно и бескомпромиссно. Как-то раз в один из теплых весенних вечеров, во время не очень шумного застолья Григорий Ефимович, ведя глазами по немногочисленной ватаге гостей, остановил свой взгляд на захмелевшем Протопопове:

— Что же ты, пес паршивый, ешь, пьешь у меня и сам же архаровцев своих заставляешь статейки скабрзные про меня строчить.

— Неправда ваша, Григорий Ефимович.

— Что? Не так, говоришь? Неправда, говоришь?.. А третьего дня...

(В одном столичном малочитаемом издании появилась очередная, посвященная похождениям старца статья, подписанная псевдонимом.)

— Это без моего ведома, Григорий Ефимович, — Протопопов развел руками, — разве за всеми уследишь?

Распутин набычился, гости притихли, ожидая неминуемой развязки.

— Видел я, Саша, — Распутин прикрыл глаза рукой, — венец терновый над твои челом; кровь видел, шмели жалят. Темнота все накрыла... и мрак, мрак!.. — Григорий сорвался в крик.

В комнате воцарилась полная тишина: никто не осмелился даже шевельнуть пальцем.

— Смерть твоя тобой порождена... Через ложь

свою, насилие и погибнешь... — Распутин откинулся на спинку стула.

Еще секунда, и старец погрузился в глубокий сон. Через двадцать минут гости разошлись, последним ушел Протопопов. Когда он выходил, Распутин неожиданно открыл глаза и быстро перекрестил его.

Ровно через два с половиной года, в октябре 1918-го, бывший министр внутренних дел был расстрелян по приговору Советской власти. Говорят, что судили его именно те, кого еще недавно арестовывали по прямому указанию Протопопова.

Болезненное падение с заоблачных вершин на бrenную землю Григорий Распутин обещал и извечным своим оппонентам — упомянутым уже В. А. Маклакову, Г. Щегловитову и А. Н. Хвостову.

— Не видать вам, братья, куш небесных... Ждут вас тяготы неземные и смерть лютая... Воздадут вам за мои горести... По делам вашим и... — Возгласы эти сопровождали каждую, порой случайную встречу старца с могущественными министрами.

И действительно, все трое погибли в подвалах Лубянки в 1918 году.

И еще одно историческое лицо — директор департамента полиции Степан Белецкий. На первый взгляд он напоминал невыспавшегося бульдога, недоверчиво взирающего на мир сквозь щелки глаз. От его фигуры веяло чем-то недобрым, неискренним; казалось, что пиджак, ловко охвативший его

мощные плечи, с трудом сдерживает тугую плоть, способную вырваться из очерченных портным швов и заполнить собой все окружающее пространство. Белецкий всегда расценивал Распутина как собственного врага, вынашивая планы ликвидации старца — и морально, и физически. И в то же время мог запросто позволить себе неожиданно заявиться к нему на Гороховую в гости. Не вникая в подробности интриг вокруг своего имени, Григорий Ефимович оставался радушен и откровенен ко всем и со всеми. Откровенность эта многим приходилась не по душе, но распутинская прозорливость вызывала живой интерес у всех, даже у таких скептиков, как Степан Белецкий.

— Знаю, Степа, что за порядком блюдешь. Богоугодное это дело... Но не ведаешь, наверное, что червячок твое яблоко точит...

Белецкий заиграл желваками, занервничал. Уже месяца два, как из его ведомства происходила серьезная утечка информации: ряд осведомителей «вышли из игры» и пропали без вести; две облавы, с такой тщательностью подготовленные, завершились ничем; двум транспортам с оружием и нелегальной литературой удалось проскользнуть из-за границы мимо расставленных полицейских и пограничных засад. Кто-то предупреждал о готовящихся операциях, но кто и как? Уж не об этом ли старец?

— Ты, Распутин, не юли, не ходи вокруг да около... Ты конкретно.

— Конкретно, это ты, Степа, можешь. Ты — большой человек, тебе и карты в руки. Но особо

не размахивай, не зарывайся... Артель твоя скоро прикажет долго жить. Понял? Ась?

— Слушай, ты! — Белецкий закипал. — Ты мне зубы не заговаривай. Что ты мне отходную поешь, я тебя еще переживу.

Распутин скромно пожал плечами:

— На все воля Божья. Но чую я, что нам обоим предстоит принять смерть лютую.

Белецкий сжал огромные кулаки:

— Не знаю, как тебе, но я еще пожить хочу.

— Еще раз скажу, — Распутин отвел взгляд в сторону, — на все воля Божья...

В 1917 году департамент полиции был ликвидирован, а Белецкого расстреляли год спустя.

Статс-секретарю Александру Сергеевичу Танееву, светскому композитору, знатоку придворных интриг, столичных слухов и провинциальных сплетен, большому другу графини Игнатьевой и отцу Анны Вырубовой, при первой же встрече Распутин, мельком взглянув на него, высказал в три приема:

— Хитрый ты, но скоро поглупеешь. А померешь быстро и легко. Ляжешь вечером и не встанешь. Я так вижу...

Так и случилось. Танеев умер тихо и спокойно — во сне.

«Грозна туча над Россией...»

Я не знаю, зачем и кому это нужно...

А. Н. Вертинский

Распутин, мрачный, больной и чем-то недовольный, 15 (по новому стилю 28) июля 1914 года вернулся из родного Покровского в Петербург (чтобы через неделю снова уехать обратно в Тобольскую губернию). Дню этому было суждено войти в историю.

Пока Распутин ехал к себе на извозчике по широким, но пустынным улицам Петербурга (население разъезжалось на дачи и на «юга», отдыхать), на другом конце Европы, на узкой и пыльной улице Сараево к автомобилю австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда бросился боевик из сербской (ох уж эта Сербия!) террористической организации «Единство или смерть» Чабринович. Забросав охрану эрцгерцога самодельными бомбами, он нырнул в ближайший переулок, а его «кол-

лега» Гаврило Принцип, используя панику, двумя выстрелами из револьвера убил эрцгерцога и его жену. Первая кровь!

В Петербурге Григорий Ефимович был неспокоен, постоянно оглядывался по сторонам, чего-то опасаясь, прежде чем выйти из дому, спрашивал: «Рожи, рожи не видно?»

Никто не мог понять, что он имеет в виду.

22 июня (5 июля), провожаемый группой поклонниц и репортерами из столичных и провинциальных газет, выехал с дочерьми в родное Покровское.

Через неделю из далекой Сибири пришло срочное сообщение: 29 июня (12 июля) на Григория было совершено покушение. Некая Хиония Гусева (по одной версии — 42, по другой — 28 лет) ударила Распутина солдатским тесаком в живот. Гусеву скрутили местные крестьяне, и только вмешательство полиции спасло ее от расправы односельчан Распутина. Перед отправкой в тюрьму отчаянная террористка успела дать интервью петербургскому журналисту Давиду Фельдману, объяснив, что «убийством антихриста» хотела положить конец злу и обману, «который опутал всю Россию»...

Распутин, получив удар тесаком, собрав все силы, успел прошептать: «Бог ее лишил разума» — и потерял сознание.

Психиатрической экспертизой Хиония Гусева

была признана невменяемой и помещена в больницу. О ее дальнейшей судьбе ничего не известно.

Ранение оказалось не смертельным, помогла и вовремя сделанная операция на брюшной полости, и сильный организм Распутина начал возвращаться к нормальному состоянию буквально через несколько дней.

— То, что произошло с ним, не может не предвещать что-то ужасное, — расходились слухи, — старец сам об этом говорил.

— Быть войне или потопу, — шептались прихожане.

А в это время из столиц мира поступали тревожные сообщения. 10 (23) июля, дождавшись отъезда из Петербурга французского президента Пуанкаре, Австро-Венгрия предъявила 48-часовой ультиматум Сербии, требуя прекращения антиавстрийской пропаганды, увольнения сербских офицеров по указанию австрийского правительства, расследования с австрийским участием заговора сербских радикалов, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд.

Принятие ультиматума означало, по мнению сербской стороны, подчинение Сербии Австрии и Германии и утрату русского влияния на Балканах, неприятием — войну, в которой Сербия была бы уничтожена, не вступив за нее Россия. Далее события развивались так стремительно, что порой обыватель просто не успевал следить за сменой «декораций» и действующих лиц.

12 (25) июля Сербия приняла все пункты ав-

стрийского ультиматума, кроме права австрийцев участвовать в следствии на сербской территории. Австрия ответила, что она не удовлетворена ответом Сербии, и через три дня объявила последней войну. На следующий день Николай II отдал приказ о мобилизации, правда все еще надеясь избежать крупномасштабной войны, только 4 пограничных военных округов. 18 (31) июля, ровно в полночь, германский посол граф Пурталес передал русскому правительству 12-часовой ультиматум: или будет отменена мобилизация, или объявлена война. Утром следующего дня мобилизация была объявлена в Германии.

Прикованный к постели, Распутин послал из Тюмени срочную телеграмму русскому императору:

«Верю, надеюсь на мирный покой, большое злодеяние затевают, не мы участники, знаю все наши страдания, очень трудно друг друга не видеть, окружающие в сердце тайно воспользовались, могли ли помочь».

19 июля (1 августа), в седьмом часу утра, граф Пурталес посетил министра иностранных дел России Сазонова и трижды спросил его, согласна ли Россия отменить мобилизацию, и трижды Сазонов резко отвечал: «Нет».

Посол дрожащими руками передал ноту с объявлением войны и, отойдя к окну, схватился за голову и расплакался: все рушилось.

21 июля (3 августа) Германия объявила войну Франции, в ночь на 23 июля (5 августа) Англия

объявила войну Германии, 24 июля (6 августа) Австро-Венгрия объявила войну России.

Не вставая с больничной койки, Распутин нацарапал своим корявым почерком на только что сделанной с него фотографии несколько слов:

«Что завтра? Ты наш руководитель, Боже. Сколько в жизни путей тернистых».

Фотографию Матрена отправила в Царское Село. Снимок этот долго украшал стол Александры Федоровны, а затем последовал вместе с царской семьей в ссылку.

Несколькими днями позже все из того же тюменского лазарета Распутин писал царю:

*«милый друг есче скажу грозна туна нат рас-
сей беда горя много темно и просвету нету, слес
то море и меры нет а крови? что скажу? слов
нету неописуемый ужас. знаю все от тебя воины
хотят и верная не зная что ради гибели, тяжко
Божье наказанье когда уж отымет тут начало
конца. Ты Царь отец народа не попусти безум-
ным торжествовать и погубить себя и народ
вот германию победят а росіея? подумать так
воистину небыло от веку горшей страдальницы
вся тонет в крови велика погибель бесконца пе-
чаль*

Григорій».

¹ Печатается по оригиналу. Оригинал письма находится в библиотеке редких книг Байнеке в Иельском университете, США.

Это то, что пронизательный Морис Полиолог характеризовал как «таинственное свойство прорицания».

Распутин был против всякого убийства вообще, в том числе и на войне. «Нехорошее дело война, — говорил он еще в 1913 году, — а христиане, вместо покорности, прямо к ней вдут... Вообще воевать не стоит, лишать жизни друг друга и отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. На что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если отмечать. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь».

Во время одного интервью Распутин заметил: «Была война там, на Балканах этих. (Имеются в виду Балканские войны¹. — В. Т.) Ну и стали тут писатели, в газетах этих, значит, кричать: быть войне, быть войне!.. И нам, значит, воевать надо... И призывали к войне, и разжигали огонь. Да... А вот я спросил бы их... Господа! Ну для чего вы это делаете? Ну, нешто это хорошо?.. Надо укрощать страсти, будь то раздор какой аль целая война, а не разжигать злобу и вражду».

«Воевать вообще не стоит, — говорил Распу-

¹ Балканские войны — общее название двух войн, происходивших на Балканском полуострове в 1912 — 1913 годах, сначала между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция и Черногория) и Турцией, затем между Болгарией и ее союзниками из-за раздела завоеванных территорий.

тин в частной беседе с С. Дурново, — лишать друга друга отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу...»

Две Балканские войны вызвали большое возбуждение в общественных кругах России, вспоминали русско-турецкую войну 1877 — 1878 годов, царя-освободителя Александра II. Его внука — Николая Александровича — подталкивали выступить против извечного врага славянства — Турции, что привело бы страны Западной и Восточной Европы к мировой войне.

Но о «братьях славянах» вообще и о сербах в частности Григорий Распутин отзывался очень критически и пророчески. «А Бог, ты думаешь, это не видит и не знает? А может быть, славяне не правы, а может быть, им дано испытание?» — спрашивал он Николая II и предостерегал, что в трудной ситуации Россия могла бы оказаться одна: «Что касаясь разных там союзов, то ведь союзы хороши, пока войны нет; а коль разгорелось бы, где бы они были? Еще неведомо...»

Говоря дальше о Балканских войнах, Григорий Ефимович добавлял, что «тому и тем, кто совершил так, что мы, русские, войны избегли, тому, кто доспел в этом, надо памятник поставить, истинный памятник, говорю... И политику, мирную, против войны, надо счесть высокой и мудрой».

«Доспел» в этом в первую очередь сам Распутин. «Когда великий князь Николай Николаевич и его супруга старались склонить государя принять участие в Балканской войне, — вспоминала Выру-

бова, — Распутин чуть ли не на коленях перед государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну, и что Россию постигнет неминуемое несчастье». Так же Григорий Ефимович предостерегал царя от вмешательства России в войну из-за аннексии Австрией Боснии и Герцеговины в 1908 году.

«Вот, брат, при дворе-то было много охотников воевать с Австрией из-за каких-то земель. Но я, дружок, отговаривал папу, потому не время, нужно дома в порядок все привести», — засвидетельствовал высказывание Григория Ефимовича Илиодор.

Если Распутин смог удержать Россию от вступления в войну в 1912 году, то он отсрочил мировой пожар на два года. Но не сумел старец оказать влияние на Николая II летом 1914 года или потому, что уже никто не в силах был остановить ход событий, или потому, что из-за ранения был далеко от императора.

Войну 1914 года Распутин не только ненавидел как братоубийственную бойню, но и открыто рассуждал о том, что она приведет к крушению романовской монархии. Он, подчеркивала Вырубова, «часто говорил их величествам, что с войной все будет кончено для России и для них». Единственным спасением был скорый выход из войны, хотя бы ценой сепаратного мира, — в общем, «что касается разных там союзов, то ведь союзы хороши, пока войны нет». Пусть себе воюют другие наро-

ды, «это их несчастье и ослепление. Они ничего не найдут и только себя скорее прикончат. А мы любовно и тихо, смотря в самого себя, опять выше всех станем»...

«Если бы государь Николай Александрович послужал Распутина и заключил бы тот самый Брест-Литовский мир, то в России не было бы революции», — сокрушались много лет спустя русские изгнанники так называемой первой волны эмиграции.

— Эта война не угодна Богу! Все это предвещает великие бедствия для мужика, — постоянно твердил Распутин.

Эта позиция Григория Ефимовича находит подтверждение и в воспоминаниях французского посла в России Мориса Полеолога:

«Суббота, 12 сентября 1914 года.

О войне он (Григорий Распутин. — В. Т.) говорит в выражениях туманных, двусмысленных, апокалипсических, из чего заключают, что он ее не одобряет и предвидит великие бедствия.

Воскресенье, 27 сентября 1914 года: [В отношении причин, хода и последствий войны] ...он обладает даром образности и глубоким чувством тайны».

Во вторник 14 ноября 1914 года Полеолог получил послание от Распутина. «Расшифровав» чудовищные каракули последнего (через почерки людей другой эпохи и сейчас пробираешься, как через дремучий лес), французский посол смог прочитать следующее: «Дай вам Бог жить по примеру

России, а не критикой страны, например ничтоже-ство¹. С этой минуты Бог явит чудо силы. Ваша рать увидит силу небес. Победа с Вами и на вас. Распутин».

При личной встрече с Морисом Полеологом Распутин говорил с горечью:

— Слишком много мертвых, раненых, вдов, сирот, слишком много разорения, слишком много слез... Это ужасно. В течение двадцати лет на русской земле будут пожинать только одно горе.

— И что же делать? — участливо вопрошал воспитанный Полеолог.

— На мировую пойти, даже если она нам убытком обернется, — последовал ответ.

Война, однако, продолжалась... Григорий Ефимович не только предвещал огромные бедствия для воюющих народов, но пытался своими советами предостеречь от безрассудных военных операций, грозящих обернуться реками крови. Кстати говоря, многие военные советы Распутина, которые ему всегда вменялись в вину, как это кому-то не покажется странным, были, как правило, очень удачны и провидчески.

В письме к Николаю Александровичу в ноябре 1915 года императрица писала: «Теперь, чтобы не забыть, я должна передать тебе поручение от нашего друга, вызванное его ночным видением. Он просит тебя приказать начать наступление возле

¹ Анна Вырубова полагала, что это надо понимать так, что Россию не следует попрекать ее монархизмом.

Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там засядут твердо на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что они отступят. Он говорит, что теперь это самое важное, и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны это сделать, и просил меня немедленно тебе об этом написать...»

Но наступление началось на юго-западном фронте, а в Прибалтике русские войска потерпели ряд серьезных поражений, что впоследствии привело к падению Риги, центрального звена русской оборонительной линии в этом регионе.

Из письма от 12 октября 1916 года Распутин, со слов Александры Федоровны, умоляет «остановить бесполезное кровопролитие» — атаки на Ковельском направлении. Но наступление продолжалось (упрямый дядя Ники — Николай Николаевич, узнав, что советы идут от Распутина, «бомбардировал» Николая II телеграммами, призывая не поддаваться советам «грубого и неотесанного мужика»), потери русской армии исчислялись сотнями тысяч убитых и раненых. А результатов не было.

К пророчествам Григория Ефимовича уже мало кто прислушивался: военное время вырабатывало собственную систему ценностей, в которой жизнь человека занимала одно из последних мест. Впервые старец чувствует себя ненужным со своими проповедями и предсказаниями. Даже Николай II

как будто старался избегать встреч с ним, ссылаясь на неотложные дела в ставке. Многие бывшие поклонники отказывались понимать его речи о зле и страданиях, порождаемых войной. Для обывателей более значимым казался треск желтой прессы о необходимости завоевать Босфор и Дарданеллы.

А для Распутина в этот решающий момент существования России очень важно было ощущать себя русским человеком, так как особенно больно ему оттого, что большинство соотечественников не видели дальше собственного носа. Их браво-солдафонское мировоззрение вызывало у него больше страха, чем восторга, и он жалел, что променял свою тихую и мирную деревню на этот вертеп умалишенных.

В эти годы Григорий Ефимович часто покидал Петроград, в родном Покровском он искал успокоение, но, где бы он ни находился, отовсюду шли телеграммы, которые он адресовал царю и царице.

Удивительно, но факт: стоит внимательно вчитаться в текст некоторых из посланий (своеобразных стилистических миниатюр) и сопоставить с рядом исторических фактов, как поражаешься той подсознательной прозорливости, которой был наделен Распутин.

Тюмень — Петроград, 13 июля 1914 года:

«Нет ее и не надо это левые хотят дипломаты знают как нужно, постарайтесь чтобы не было, те узнали что у нас беспорядки, одно горе что не могу приехать».

Речь, поясним, шла о вопросе вступления России в войну: стоит ли и кому это выгодно?

Тюмень — Петроград, 20 июля 1914 года:

«О милый, дорогой, мы к ним с любовью относились, а они готовили мечи и злодействовали на нас годами. Я твердо убежден, все испытал на себе, всякое зло и коварство получит злоумышленник сторицей, сильна Благодать Господня под ее покровом останемся в величии».

Эта телеграмма — об отношении с немцами, о которых до самого начала войны русские сохраняли наилучшие представления.

Ялуторовск — Манас, 1914 год:

«Милый, не скорби от их лукавых хитростей, Бог мудрый через крест показывает силу, сим крестом победиши. То время настанет. С нами Бог, убоятся враги».

После начала военных действий российское общество захлестнула волна ксенофобии. Преследованию подвергались не только немцы, но и евреи, крымские татары. Распутин предупреждал, что подобные действия еще аукнутся. После 1917 года последовал всплеск национальных революций, от России отделялись целыми уездами, губерниями, княжествами и ханствами. И больше всего русской крови было пролито там, где в свое время всплеск русского шовинизма достигал наивысшей точки.

Покровское — Царское Село, 10 июля 1915 года:

...«Только благочестивые руки победят нечестивого».

Своеобразное противление летнему наступлению русских войск на австрийском фронте. Распутин выступал против подобного развития ситуации, но Николай не прислушивался к его советам. Последовали новые жертвы и новые неудачи.

Покровское — Царское Село, 18 июля 1915 года:

«Тяжело известия повсюду, скорблю, а высказать не видя понося нас, неемля солнца в темноте».

Телеграмма была отправлена после сообщения о больших потерях русских войск в Карпатах.

Покровское — Царское Село, 3 августа 1915 года:

«Помните обетование встречи, это Господь показал знамя победы и дети против или близкие друзья сердцу, должны сказать пойдете по лестнице, знамя нечего смущаться духу нашему».

В это время с новой силой разгорелись семейные дразги в императорской фамилии: дети обвиняли родителей, дяди — племянников, а братья — друг друга. Война не сплотила, а, наоборот, усилила противоречия между великими князьями.

Покровское — Царское Село, 7 сентября 1915 года:

«Не опадайте в испытании прославить Господа своим явлением».

За два дня до этого верховное командование вооруженными силами принял на себя Николай II.

Тюмень — Царское Село, 11 сентября 1915 года:

«Время пришло, завидуют живые мертвым, тут же спросит земля землю проходила ли по тебе нет у тебя король и у меня король взглянет на нас Господь, веселыми очами, будем иметь разум».

Русская армия оставила крепости Ковно, Гродно и Брест-Литовск, ее потери убитыми, ранеными и пленными более 1,5 млн человек.

Покровское — Ставка, 18 марта 1916 года:

«Господь сказал: солнце померкнет, луна не даст света, а православная церковь никогда, а мы в ней как Бог поможет — это дело его — Слово Божие земля и небо пройдет, а слово Божие никогда — победим».

Критически оценивая участие России в мировой войне, Распутин все же оставался русским человеком, для которого близки все ее неудачи. И желать победы в этой войне Григорий Ефимович мог только для России.

Петроград — Царское Село, 16 ноября 1916 года:

«Блаженство от страданья ему же честь, хвала, а не от многих языц. Все они на свою надеются на силу. Степан будет правителем, а Иван помощником — Дума подумает, а у Бога уже все есть. Узники все, как бы ни было и в древность или прежде одно страдание, это горы и на облацах гря-

душие, а ведь все страдальцы, и напрасно человеческие умы. Россия оттого не погибнет, что одного оправдают, она была и будет прославлена слезы страдальцев, кто бы то ни был, выше праздных языков. Они уже искупили не за то, что делали, вот за то они и праведники, что их Бог полюбил, как от начала жизни, так и сейчас. Наш разум должен разуметь».

Петроград — Царская Ставка, 22 ноября 1916 года:

«Скорби, чертог Божий. Прославит вас Господь своим чудом».

Осенью 1914 года Распутин чувствовал себя подавленным общим шовинистическим настроением в России, особенно в Петербурге (Петрограде) и Москве. Частая смена настроений, приступы меланхолии и длительные душевные депрессии стали для него обычным явлением.

Зимой 1914/15 года в его жизни происходит резкая перемена: он начал пить: «Скучно, затравили, чую беду». До этого водки не пил никогда, не пил и вина более двадцати лет — до 1914 года, — но когда начал, то выпить мог очень много.

Может быть, могла бы как-то сдержать Распутина Анна Вырубова, но 2 января 1915 года она попала в железнодорожную катастрофу.

Дочь лейб-медика Е. С. Боткина вспоминала: отец

как-то особенно долго говорил по телефону и сам звонил куда-то и наконец, выйдя из кабинета, сказал:

— Двадцать пять минут назад произошло крушение шестичасового поезда из Москвы, очень много пострадавших, между прочим, среди последних Анна Александровна Вырубова. «Она умирает, ее не стоит трогать!» — сказал врач, когда Анну с перебитыми ногами и пострадавшим позвоночником извлекли из-под обломков вагона.

Действительно, Вырубова очень страдала, была очень нервна и нетерпелива. Она требовала священника, просила дать ей что-нибудь, дабы спокойно умереть и прекратить страдания, терзающие ее тело и душу.

Фрейлину причастили, царица позвонила Распутину и просила приехать, тот никак не мог найти автомобиль, пока ему не предложил свой его старый друг граф Витте. Стоя у постели умирающей, Григорий Ефимович повторял с напряжением ее имя так, что пот тек по лицу и шее: «Аннушка, Аннушка...» — пока Вырубова не открыла глаза.

«Жить будет, но останется калекой», — сказал обессиленный Распутин. Выпалив это, он вышел в соседнюю комнату и упал в глубоком обмороке. Когда его привели в чувство, он долго не мог вспомнить, где находится и что с ним произошло. «И я осталась жить, — вспоминала Вырубова, — полгода лежа на спине, затем передвигаясь в инвалидной коляске и всю оставшуюся жизнь — на костылях».

А Распутин исчез из поля зрения общества

почти что на полгода. Как бы это ни показалось странным, но его отсутствие было вызвано подготовкой собственной (?!) книги: «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам». Часть 1. Петроград, 1915. (Готовил Распутин и вторую часть.)

Книга эта была призвана познакомить читателя с философией Григория Распутина, с его пророчествами, которые шли не от познания мира посредством научного анализа и обобщений, а посредством преломления увиденного и услышанного через собственное «Я».

Понять Григория Распутина можно, только уяснив его философию, его подходы к смыслу жизни. И тут байками и анекдотами, которые изобретали острословы по адресу Распутина, никак не обойтись. Ведь феномен крестьянина Григория Ефимовича, проблема его личности — подлинной, а не фантастической — чрезвычайно интересны и, бесспорно, поучительны.

Автограф на обложке книги бросался в глаза: «Горе метущимся и злым — и солнце не греет, алчных и скучных весна не утешает; у них в очах нет дня — всегда ночь».

Воспроизведем лишь отдельные фрагменты:

«В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ

Когда опускают Матерь Божию и пение раздастся «По Твою милость прибегаем», то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и

пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина и почивают угодники Божии в простоте без серебряных раков, только простые дешевые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет, и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни.

Горе мятущимся и несть конца. Господи, избави меня от друзей, — и бес ничто. Бес в друге, а друг — суета.

В ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЕ

И вот я вступил в Собор, и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса. Где сама Матерь Божия ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную стену вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтоб не поверить.

ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ

Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Черному морю — тишина на море и душа с морем ликует и спит тишиной.

Море пространно, а ум еще более пространен. Человеческой премудрости нет конца. Не вместима всем философам.

Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах. Смеркается...

О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы и от раздумья человек начинает ходить по палубе, невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести душу (скуку), нагнанную на него от его врагов...

Тихая ночь на море, и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений...

Забили волны на море — сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную!

Совесьть — волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесьть только от доброго дела погаснет.

На берегу больше хвораешь.

О, какой обман, беда — скажут ей и взглянут и увидят... Совесьть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем.

А всякий грех все равно, что пушечный выстрел — все узнают...

ИЕРУСАЛИМ

Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа!

Гроб — гроб любви и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков.

Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отраднo.

Сколько тысяч с Ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все простачки, которые сокрушаются — их по морю Бог заставил любить Себя разным страхом, они постятся, их пища — одни сухарики, даже не видят, как спасаются. Боже, что я могу сказать о Гробе? Только скажу в душе моей: Господи, Ты Сам воскреси из глубины греховной в Чертог Твой Вечный Живота!»

Но не только виды святых мест волновали Григория Ефимовича.

«Время разбрасывать камни, и время их собирать, — повторяя библейскую притчу, развивал свою мысль Распутин в одной из последних своих проповедей. — Святые могилы будут скоро осквернены нашествием варваров, еще находивших успокоение в вере. Бес вселился в их души, красным цветом — цветом крови — застит он им глаза. Пепелища и мертвые тела братьев наших и сестер, поруганные православные святыни вижу я... Пройдет лет немало, и внуки тех, кто осквернил родительские могилы, стряхнут с себя скверну, встанут на путь истинный. Их молитвами и трудами и с Божьей помощью вера православная вновь займет в сердцах страждущих свое достойное место. А варварами останется проклятье правнуков, ложь да насилие, да будут они наказаны...»

Для последователей Распутина книга его была после смерти автора нечто вроде нового «Евангелия»!

И придет час...

...претерпевший же до конца спасется..

Евангелие от Матфея. XXIV: 13

Все ближе и ближе та роковая ночь с 16 на 17 декабря (по новому стилю — в ночь с 29 на 30 декабря) 1916 года, когда во дворце князя Феликса Юсупова, на Мойке, в доме 94, Григорий Распутин был убит.

Несколько месяцев перед тем он, присутствовав на пасхальной службе с двумя своими дочерьми и императорской семьей, почувствовал странное головокружение.

Тихо застонав, он вышел из храма и опустился на подушки коляски, в которой приехал. Успокоившись, старец сказал расстроенным Александре Федоровне, Матрене и Варваре, засыпавших его вопросами: «Не волнуйтесь, мои голубки. У меня только что было видение, очень страшное видение... Тело мое висело на этой колокольне, и

чувствовал я свою смерть... Какая агония, Господи... Молитесь за меня, родные мои, час мой близок...».

В дневнике Мориса Полеолога 26 апреля 1916 года появилась следующая запись: «Его (Г. Е. Распутина. — В. Т.) преданные друзья, госпожа Г. и госпожа Т. не оставлявшие его ни на минуту, были поражены его грустным настроением. Он несколько раз говорил им о своей близкой смерти. Так, он сказал госпоже Т.: «Знаешь ли, что я скоро умру в ужасных страданиях. Но что же делать? Бог предназначил мне высокий подвиг погибнуть для спасения моих дорогих государей и Святой Руси. Хотя грехи мои ужасны, но все же я маленький Христос...»

Последняя встреча Николая II и Григория Распутина произошла в начале ноября в Царском Селе, в домике по Церковной улице — у Анны Вырубовой. Под завывание северного ветра они вели неторопливый разговор о трудностях, с которыми столкнулась страна, вступив в войну, о возможных последствиях кровавой бойни, о царской семье, о будущем детей императора, в первую очередь наследника Алексея. Григорий Ефимович много цитировал Евангелие, вспоминал Иова Многострадального (день памяти последнего совпадал с днем рождения российского императора). Засиделись за полночь. Когда разговор все же было решено завершить, Николай, поднявшись со стула, попросил Григория его благословить.

— Это я, папа, тебя об этом просить должен, — последовал ответ. — Благослови...

Николай Александрович лишь покачал головой и, не прощаясь, покинул комнату.

Однако буквально через несколько секунд он вернулся:

— Хорошо, Григорий, но и ты молись усердно, сегодня даже погода против нас.

Сказав это, император российский Николай Александрович Романов благословил старца.

Больше они не встречались...

За три дня до смерти Распутин был грустно настроен, находился в подавленном состоянии и просил Арона Симановича помочь ему советом в деле устройства им денежных вкладов на имя дочерей, для чего они вдвоем секретно от журналистов и следящих за Григорием Ефимовичем филеров ездили в банк, где Распутин открыл два счета и положил для каждой дочери несколько десятков тысяч рублей, бывших у него в ту пору на руках (после смерти у него — на квартире — нашли всего около 3 тысяч рублей, сумма совершенно пустяковая по тем временам. Распутин был совершенно бескорыстен и никогда не пытался извлечь из своего положения выгоду, и деньги у него не задерживались), а затем, по приезде домой, Григорий, несмотря на протесты и просьбы старшей дочери, сжег большую часть писем и телеграмм, полученных ими как от высочайших особ, так и от Анны Вырубовой. Он как предчувствовал, что за бумагами его вскоре начнется настоящая охота.

За два дня до смерти Распутина видели на Дворцовой площади... На мачте Зимнего дворца ветер трепал штандарт. У колонн по сторонам от главных ворот замерли часовые. Распутин пересек практически безлюдную площадь, приблизился к дворцу и прошел к Зимней канавке. Снежная пыль, как стая мошек, вилась вокруг фонарей. Капли воды обрывались с краев герба, с фигур и ваз на карнизах, со сводов галереи. На набережной было и темно и пустынно. Сырой и холодный норд-ост пробирал до самых костей.

О чем думалось Распутину, что вспоминалось? Село Покровское... первое посещение Царского Села... беседы с Николаем Александровичем и Александрой Федоровной... лечение наследника... недавно умерший отец... Что? Или с кем-то прощался?

Зайдя за день до смерти Распутина к нему на квартиру, его новый приятель В. М. Скворцов был поражен видом Григория Ефимовича, лицо которого было землистого цвета и «носило уже на себе печать смерти». Распутин находился в сильно подавленном настроении духа, и Скворцову стоило больших трудов вывести Григория из его меланхолического настроения и отвлечь от навязчивых разговоров о смерти.

В день же своей гибели Распутин повеселел, пошел в баню и вечером надел лучшую свою шелковую верхнюю рубаху и новый костюм.

И еще одна удивительная встреча, которая произошла в последний день его жизни. Очень инте-

ресный и подробный рассказ об этом событии приводит Ф. В. Винберг:

«Одна из русских женщин, горячая патриотка, старая писательница, владевшая многими тайнами масонства, за что вытерпела немало мук и горя в своей жизни, решила ехать прямо к Распутину и ребром поставить ему вопрос: знает ли он, какой вред приносит России?»

По странной случайности ее поездка совпала с днем 16 декабря 1916 года, то есть кануном убийства Григория Распутина. В ее лице будто бы Бог послал Распутину последнее предостережение, которому не суждено было, однако, изменить уже окончательно преднаметившегося хода событий.

Дверь у Распутина на ее звонок открыл какой-то молодцеватый полковник, встретивший ее вопросом: «Вам что угодно, сударыня?»

— Могу ли я видеть Григория Ефимовича Распутина?

— Батюшки нет дома, и вообще он никого не принимает.

— Нет правил без исключения, господин полковник... Быть может, ваше «нет дома» означает, что он как раз именно дома... Тогда разрешите уже вас просить передать ему мою карточку (визитку. — В. Т.). — Дама перевела дух. — Если господина Распутина действительно нет, то очень жаль, но ничего не поделаешь, в другой раз я уже не приеду: тащиться-то мне Бог весть откуда... Однако удовлетворите, полковник, любопытство старухи: почему вы назвали Распутина «батюш-

ка»? Что он — священник, диакон, монах или, может быть, ваш beau pere?¹...

— Григория Ефимовича все так называют, — полковник пожал плечами.

— Как вам не стыдно, господин полковник, что же у вас за стадное чувство такое? Ну, назвали бы его Григорий Ефимович или просто — Распутин, а то вдруг — батюшка!..

Полковник смешался и, растерянно теребя в руках карточку посетительницы, вдруг неожиданно спросил:

— А как прикажете доложить о вас Григорию Ефимовичу?

— Голубчик, у вас в руках моя карточка... И ради Бога, ничего не докладывайте, а просто передайте или... просто прочтите эту карточку.

Полковник ушел, попросив ее подождать в гостиной.

Там уже находилось несколько дам, из которых две вели между собой непринужденную беседу на французском языке. Через несколько минут полковник вернулся в комнату. Вслед за ним вошел Григорий Распутин. При входе его все сидевшие дамы, кроме вновь прибывшей, встали, бросились к нему, стараясь поцеловать у него руки и... концы вышитой рубахи, в которой он был. Досадливо, словно от назойливых мух, от них отмахнувшись, Григорий Распутин подошел к писательнице и, заложив руки за пояс, спросил:

¹ Любимый отец (фр.).

— Это ты, матушка, хотела видеть меня? Да? Что тебе надоть?

Ничего не ответила ему посетительница, а только долгим и пристальным взглядом посмотрела на него, точно желая проникнуть в его душу...

Бесспорно, Распутин обладал магическим и удивительным взглядом; но когда глаза его встретились с глазами этой маленькой старушки, он не выдержал и ...потупился.

— Что это ты на меня смотришь так?! Как-то особенно, — пробормотал он.

В ответ он услышал тираду совершенно в духе травившей его бульварной прессы.

— Я пришла задать вам несколько вопросов, Григорий Ефимович. До этого нам встречаться не приходилось; после этой встречи вряд ли когда увидимся. Про вас я очень много слышала, ничего доброго, но много плохого... вы должны ответить мне, как священнику на духу: отдаете ли вы себе отчет, как вы вредите России? Знаете ли вы, что вы лишь слепая игрушка в чужих руках, и в каких именно? Да знаете ли вы...

Распутин ее прервал:

— Ой, барыня, никто еще и никогда со мной таким тоном не говаривал... Что ж вам на эти вопросы отвечать? Ума не приложу, а?

— Читали ли вы русскую историю, любите ли вы русского царя, как его надо любить?

Григорий Ефимович на мгновение задумался:

— Историю, скажу по совести, не читал — ведь я мужик простой, темный, читаю только по

слогом, да и то с большим трудом, а уж пишу так, что и сам подчас не разберу, чего я там написал. Вот дочка мне помогает, Матрена, но не всегда она рядом...

Еще заминка, Распутин прервал на мгновение речь, видимо пытаюсь сформулировать свою мысль.

— А царя-то, как мужик, во как люблю, хоть, может, против дома царского и грешен во многом; но невольно, клянусь крестом... Вот, — Григорий перекрестился.

И снова минутная пауза.

— Чувствуется, матушка-голубушка, что конец мой близок... *Убьют-то меня — убьют, а месяца так через три — рухнет и царский трон.* Спасибо вам, что пришли, знаю, что поступили, как сердце вам велело. И хорошо мне с вами, и боязно: как будто с вами есть еще кто-то... А как бы вы поступили на моем месте?

Распутин внимательно и пытливо взглянул в глаза посетительницы.

— Будь я на вашем месте, я бы уехала в Сибирь да спряталась там так, чтоб обо мне и слухи все замолкли, и след простыл. Так вот.

Много еще говорила с Распутиным старая писательница — о царевиче Алексее, о войне и жертвах ее страшного Молоха, о страданиях народа и беспечности власть имущих, об Евангелии и православию — и он слушал ее жадно, как бы впитывая каждое слово... Время летело незаметно.

Наконец она поднялась со стула и стала про-

щаться. Распутин шел сзади, повторяя: «Уж я проведу вас сам...»

При прощании, подавая руку Распутину, писательница с удивлением увидела, как он вдруг наклонился и «горячо поцеловал ее руку».

— Матушка-барыня, голубушка ты моя. Уж прости ты меня, мужика, прости, что на «ты» тебя величаю... Полюбилась ты мне, и от всего сердца это говорю. Перекрести ты меня, хорошая и добрая ты моя... Эх, как тяжело у меня на душе...

Маленькая ручка, освобожденная вновь от перчатки, осенила Распутина крестным знаменем, и он услышал: «Господь с Тобою, брат мой во Христе...»

Она ушла. А Распутин долгое время стоял и смотрел ей вслед, точно здесь оставалось одно его брэнное тело, а его грешную душу взяла она, явившаяся к нему ангелом смерти.

Через двенадцать часов, на Мойке, Распутин окончил свой земной путь. Когда тело Распутина извлекли из воды, правая рука старца застыла, словно в крестном знамении.

* * *

В январскую ночь 1917 года гроб с останками был закопан под иконостасом в строящейся часовне святого Серафима, расположившейся на опушке императорского парка, близ Александровска. Присутствовали только царь, царица, четыре молодые

княжны, Протопопов, Анна Вырубова, полковники Д. Н. Ломан¹ и А. И. Мальцев², наконец, в качестве священнослужителя — придворный архиерей отец Василий.

Именно он передал Николаю II нательный крест Григория Ефимовича. Интересно, вспомнил ли государь слова, сказанные Другом за несколько лет до этих страшных дней: «Моя смерть будет и твоей смертью».

В старом полушубке Распутина нашли записку (писала Матрена, со слов отца):

«Я чувствую, что уйду из жизни до первого января. Я хочу сказать русскому народу, Папе, Маме и детям, что они должны предпринять. Если я буду убит обыкновенными убийцами и моими братьями-крестьянами, то, царь российский, тебе не надо будет бояться за своих детей. Они будут царствовать еще много веков. Но если меня уничтожат дворяне, если они прольют мою кровь, то их руки будут запачканы моей кровью двадцать пять лет и они покинут Россию. Брат поднимется на брата. Они будут ненавидеть и убивать друг друга, и двадцать пять лет в России не будет покоя. Царь

¹ Ломан Дмитрий Николаевич (1868 — 1919) — полковник, офицер для поручений при дворцовом коменданте, ктитор Федоровского собора в Царском Селе. Погиб в годы гражданской войны.

² Мальцев Александр Иванович — полковник артиллерии, начальник воздушной охраны Царского Села. Сведений о дальнейшей судьбе не сохранилось.

земли русской, если ты услышишь звон колокола, который скажет тебе, что Григорий убит, знай, что один из твоих подстроил мою смерть, и никто из вас, никто из твоих детей не проживет больше двух лет. Они будут убиты...

Я буду убит. Меня больше нет среди живых. Молись! Молись! Будь сильным. Думай о своей благословенной семье!»

Незадолго до своей трагической гибели Распутин говорил Александре Федоровне, и это она передавала царю в письме от 8 декабря 1916 года: «Наш Друг говорит, что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны...» (На стене усыпальницы Распутина кто-то корявым почерком начертал: «Исайя»¹.)

И Смута пришла...

На больших и малых петроградских заводах, на ткацких фабриках и в крошечных мастерских, на балтийской судоверфи, в порту, в рабочих пригородах столицы, в солдатских казармах и в матросских кубриках было неспокойно. Недовольные горожане проводили собрания, выходили на демонстрации и митинги, бросали работу, ораторы от-

¹ И с а й я — иудейский пророк XIII в. до н. э., автор книги пророчеств, в которой предсказал судьбу еврейского народа, явление Мессии, достаточно точно рассказал о будущей жизни Христа.

крыто призвали к бунту, борьбе против дороговизны и нехватки хлеба и топлива, против правительства и против царя. Полиция запросила помощи у военных, но появившиеся армейские части и казаки отказались стрелять в бунтующих и недовольных.

«Какие страшные времена мы ныне переживаем! — писала Александра Федоровна мужу 22 февраля 1917 года. — Я сочувствую тебе и переживаю с тобой гораздо больше, чем это можно описать словами. Что же нам делать? Я могу только молиться. Наш верный друг Распутин молится за нас на небесах. Сейчас он еще ближе мне. С каким желанием я бы послушала сейчас его успокаивающий и утешающий голос!»

В последние дни февраля напряженность нарастала с каждым часом и каждой минутой. В Петрограде, Москве и во многих губернских городах стояли жестокие морозы, однако дров, дабы поддерживать тепло в холодных квартирах, не было. Это еще более усугубило ситуацию. Население голодало, подвоз хлеба все сокращался. Перед хлебными складами стояли толпы народа. Все чаще случалось, что массы теряли терпение и, утратив контроль над собой, громили продуктовые магазины и хлебные лавки, избивали особо ненавистных их владельцев.

В эти бурные дни царица часто вспоминала, как Распутин перед смертью говорил Николаю II, что главным для него — российского императора является подвоз хлеба в столичный центр, «чтобы народ не потерял веры в любовь своего царя», ибо

«революции свершаются не голодными, а теми, кого хотя бы день не покормили».

Но Распутина уже не было среди живых, никто не вспоминал его советов. А ситуация в России все ухудшалась. Мощные демонстрации буквально сотрясали столицу, демонстранты требовали хлеба и мира. На Невском проспекте ежедневно происходили кровавые столкновения с немногочисленными, но еще верными правительству и императору частями, пытающимися поддержать порядок. Офицеры русской армии и чины полиции погибали от удара ножа или пули террориста. Число жертв росло каждый день.

Всеобщее недовольство и бунт вскоре обратились против правительства и романовской династии. Лозунги менялись, вместо требований хлеба и мира недовольные обыватели скандировали «Долой самодержавие!», пели «Марсельезу», требовали немедленной отставки кабинета министров и отречения царя. Правительство уже не могло контролировать обстановку и поэтому, по сути дела, самораспустилось, министры чуть ли не добровольно отказывались от своих обязанностей.

Вскоре взбунтовался столичный гарнизон, и даже гвардейские части в сопровождении оркестра перешли на сторону бунтарей. В эти критические времена Николай Александрович находился в Ставке, далеко от бунтующего Петрограда. Выслушав первые сообщения о беспорядках, он, видимо находясь под впечатлением этих тревожных вестей, сообщил своему ближайшему окружению, что охот-

но отречется от престола в пользу своего сына, если народ действительно хочет этого. Николай II готов был уехать в Ливадию и посвятить себя семье. Когда из столицы стали поступать все более тревожные телеграммы, он, как это уже не раз бывало в его жизни, изменил свое решение и приказал отправить в Петроград верные ему еще воинские части, приказав силой подавить мятеж.

Но и эта попытка окончилась неудачей. 15 марта на полустанке между Ставкой и Царским Селом в салон-вагоне своего поезда российский император вручил депутатам Думы В. В. Шульгину и А. И. Гучкову акт об отречении от престола в пользу своего брата Михаила.

22 марта бывший император, уже как узник нового — Временного правительства вернулся в Царское Село, где вся его семья — жена, четыре дочери и сын (дети, только что переболевшие корью) — находилась под неусыпным контролем революционных солдат и петроградских комиссаров.

Ночью с 22 на 23 марта 1917 года, буквально через три месяца после смерти Григория Распутина, после первых дней всеопьяняющей свободы, гроб с телом Распутина был тайно перенесен из царскосельской часовни в Парголово, на большую поляну, что в 15 верстах от окраины Петрограда. Там на прогалине несколько солдат под командой саперного офицера соорудили большой костер из смолистых сосновых ветвей. Отбив прикладами и штыками крышку гроба, они пожарными

баграми вытащили труп, «так как не решились коснуться его руками, вследствие его разложения», и не без труда втащили его в костер. Затем добавили керосина так, что к костру было невозможно подойти.

Сожжение продолжалось больше шести часов, вплоть до рассвета. Однако скрыть сожжение трупа от внимания населения близлежащих деревень не удалось. Несмотря на ледяной ветер, на томительную протяженность операции, несмотря на клубы едкого и зловонного дыма, исходившего от костра, несколько сот мужиков и баб всю ночь толпами стояли вокруг костра; боязливые и неподвижные, они с оцепенением и растерянностью наблюдали святотатственное пламя, медленно пожиравшее мученика, старца, друга царя и царицы, «Божьего человека».

Когда пламя сделало свое дело, солдаты собрали пепел и перемешали его со снегом.

И еще одна — последняя — «встреча» царской семьи с Распутиным, происшедшая в конце лета 1917 года.

Пять месяцев члены царской семьи жили под арестом в Царском Селе. Вечером 13 августа комендант дворца неожиданно сообщил им, чтобы они начали готовиться к отъезду, так как Временное правительство было намерено этой ночью выслать их из Петрограда.

Александра Федоровна сумела узнать у часового лишь то, что их отправляют в Сибирь, в Тоболь-

скую губернию, где они будут находиться, пока не поступят новые распоряжения правительства.

Какое странное совпадение — ведь это же те места, где жил Григорий Распутин, откуда он пришел в Царское Село, чтобы служить царской чете советом и добрым словом!

Царица использовала последние часы пребывания в Царском Селе, где провела «двадцать три года счастливой жизни», чтобы попрощаться со всем тем, что было ей когда-то дорого. Она написала несколько слов верной Анне Вырубовой, которая уже несколько месяцев находилась в сырых казематах Петропавловской крепости: «Я представляю себе твое новое большое горе. Нас будут теперь разделять огромные расстояния. Мы пока не знаем, куда нас отвезут. Мы узнаем об этом в пути. Мы также не знаем, как долго будет длиться наше изгнание. Думаем, что нас направят в те стороны, где ты недавно была¹. Светлый дух нашего друга призывает к нам...»

Подготовка к отъезду длилась недолго.

В пять утра Николай, Александра и дети сели в автомобиль, который доставил их на железнодорожный вокзал, буквально через пять минут они заняли места в вагоне. Через полчаса поезд отправился в свой дальний путь. Дорогое сердцу Царское Село ни Николай Александрович, ни Алек-

¹ Анна Вырубова совершила поездку в Тобольскую губернию в 1909 году.

сандра Федоровна, ни их дети больше никогда не увидели...

Ранним утром 17 августа царская семья прибыла в Тюмень. Там их уже ждал речной пароход «Русь», который шел в Тобольск.

Утром на следующий день Романовы узнали, что пароход будет проходить рядом с селом Покровским, родиной их друга. Всех охватило чувство большой тревоги. Неисповедимы пути Господни... Лишенные трона, всего состояния, униженные изгнанники ныне находились совсем недалеко от тех мест, откуда вышел Григорий Ефимович — обыкновенный путник в лаптях и крестьянском тулупе, чтобы со временем оказаться — пророком и целителем — в царском дворце!

Вдалеке, на берегу реки, появлялись очертания маленькой, но чистой деревеньки с церковными куполами на взгорье, с широкими, светлыми улицами. Вот уже виден дом Распутина, который возвышался над всеми другими жилыми строениями¹. Казалось, вот-вот из ворот появится старец и благословит царскую семью в ее пути на Голгофу.

Алексей долго не мог оторвать взгляд от меняющихся живописных картин. Перед ним открывался сказочный уголок с таинственной конюшней и разговаривающими лошадьми, удивительными ге-

¹ Дом Распутина был снесен в начале восьмидесятых годов. Всего на три года пережило это крепкое двухэтажное строение с деревянными колоннами у входа и красивыми резными наличниками печально известный дом Ипатьева в Екатеринбурге.

роями распутинских рассказов: лешими, чертями, ведьмами и колдунами. Это были места, о которых добрый и любимый отец Григорий так много рассказывал больному мальчику! Много, много лет назад Распутин сказал об этих местах: «Вся эта сказочная страна принадлежит твоему отцу и матери...»

...Село уже давно осталось позади, а все по-прежнему говорили о Григории Ефимовиче, вспоминали, о чем он говорил и что делал, какую роль сыграл в их жизни, цитировали наизусть его проповеди, извлекали из багажа его фотографии, Евангелие, брошюрки, надиктованные Распутинным.

— Он был во многом, во многом прав, наш друг, — очень тихо, так чтобы слышала только жена, произнес Николай Александрович, задумчиво всматриваясь в распутинские «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам». С книгой этой бывший император не расставался до самой смерти.

Только сейчас в памяти Александры Федоровны всплыли слова, которые она услышала от Анны Вырубовой задолго до огромного российского несчастья. Вырубова рассказывала: как-то раз Григорий с двумя дамами («с госпожой Г. и госпожой Т.»), — как отмечал французский посланник Морис Полеолог) проходил рядом с Петропавловской крепостью. Неожиданно он остановился и сказал с волнением: «Виджу много замученных

людей, груды мертвых тел! Среди них — много великих князей и сотни графов! Нева покраснеет от пролитой крови!»

Как странно звучали эти слова полгода спустя после революции, после того страшного Октября, когда предсказание стало реальностью: брат пошел на брата, отец на сына; людей убивали лишь за то, что они старались остаться личностями, а не «баранами в стаде».

Все еще раз посмотрели в сторону Покровского (оно медленно исчезло за поворотом реки) и прочитали короткую молитву, которой их научил в свое время Григорий Ефимович. Пароход плыл дальше, разрезая воды угрюмого Тобола. Вскоре вдалеке, в сумерках позднего августовского вечера появились очертания тобольского кремля. Пароход, который вез в неизвестное будущее последнего самодержца России и его близких, спускаясь вниз по реке, медленно сливался с темнотой летнего вечера...

П. Жильяр, гувернер царевича Алексея, внимательный наблюдатель и тонкий стилист, оценивая роль Распутина, отметил: «Il n'y avait pas du mal, il y en avait seulement l'apparence... Mais c'est asez pour le peuple»¹.

Мы добавим: в легенде жил, в легенде и умер.

¹ Зла не было, была только видимость... Но этого достаточно для народа (*фр.*).

Вместо заключения

Мне счастья нет.
Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить.
Щедротами любовь его снискать,
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.

А. С. Пушкин

В сегодняшних спорах о том, был ли Григорий Ефимович Распутин развращенным крестьянином или оклеветанным святым, проявляется присущая человеку черта неприятия двойственности, и это качество искушает окрашивать все события в белый или черный цвет, с тем чтобы хотя бы в наших умах освободиться от неясности и не думать больше об этом. Действительность намного сложнее.

Воспоминания очевидцев позволяют отбросить всякие сомнения относительно того, что Григорий

Ефимович Распутин на самом деле обладал удивительным даром прозорливости, сильной молитвы и несомненной способностью проповедовать. Что же произошло спустя буквально десять лет после появления его в Санкт-Петербурге?

Отец Феофан, так много сделавший для величия Григория, для его вхождения в высшие круги общества, в царскую семью, а затем проклявший и Распутина, и себя, писал: «Он (Распутин. — В. Т.) не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божьим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал. Окружение, которое хотело, чтобы это случилось, оставалось равнодушным и считало все происшедшее чем-то несерьезным. Но в духовном отношении такое падение должно привести к очень большим последствиям» (для общества и государства. — В. Т.).

И последствия не заставили себя ждать. «Если только Бог сам не приложит руку, невозможно практически, чтобы государство рухнуло в одночасье» — так очень часто говаривал Распутин, большой знаток Евангелия, этой величайшей драмы человечества.

Содержание

От автора	3
Заратустра от сохи: первые шаги	7
Дар, открывающий двери.	45
Спаси и сохрани.	69
Высший свет.	126
«Грозна туча над Россией...»	147
И придет час.	168
Вместо заключения.	187

Литературно-художественное издание

Вадим Леонидович Телицын

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Редактор *Л. К. Лузгина*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Н. В. Антонова*

Сдано в набор 04.08.99. Подписано в печать 19.08.99.
Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Академическая».
Усл. печ. л. 10,08. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4950.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

КРПА «Олимп»
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96
123007, г. Москва, а/я 92
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»
Изд. лиц. ЛР № 066647 от 01.06.99
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Фирма «Издательство АСТ»
Изд. лиц. ЛР № 066236 от 22.12.98
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
www.ast.ru
E-mail: ast@postman.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРЬ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех", "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", незаменимые "Азбука" и "Букварь", замечательные книги известных детских авторов: Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

ВСЕ ЭТИ И МНОГИЕ ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ ПО ПОЧТЕ, ЗАКАЗАВ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7. Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Уникальная услуга для жителей Москвы – "Книги на дом".

Позвоните по тел. 933-64-64 и вам их доставят!

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — собрания сочинений Ф.Незнанского, Э.Тополя, В.Шитова, В.Пронина, суперсериалы А.Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** В. Суворова, В. Красковой и Л. Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах" и собрания бестселлеров С. Шелдона.

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самые полные собрания произведений братьев Стругацких и С.Кинга; "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав **БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ** по адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7 Тел. 322-2822.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Уникальная услуга для жителей Москвы — "Книги на дом".

Позвоните по тел. 933-64-64 и вам их доставят!

Его называли «дьяволом во плоти» — и «пророком прозорливым». Он был монстром — и великим целителем. Он, с трудом умевший читать и писать, не владевший даже азами литературной речи, пророчествовал и предсказывал будущее с поистине пугающей силой, и все его предсказания — казнь царской семьи и крушение династии Романовых, поражение России в Первой мировой и даже его собственная ужасная гибель — сбылись точно, почти буквально. Кем же он был, этот странный и загадочный человек? Тайну Григория Распутина пытается раскрыть эта книга...

ISBN 5-237-03701-1

9 785237 037012

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

